

МОГИЛЬЦЫ И ТАЛИЦКАЯ ШКОЛА

Сокращенные главы из книги воспоминаний

Варвары Алексеевны Буравцовой

ГОДЫ БЫЛЫЕ

МОГИЛЬЦЫ

I

Потеряв багаж, мы оказались у разбитого корыта. Летом-то было хорошо, но вот зимой без теплой одежды! И откуда ее тогда было взять! Сначала жили у папиной сестры, тети Анюты, но у нее своих ребят хоть отбавляй – пять сыновей и дочь – и нас шесть человек, так что пришлось искать жилье. В начале деревни, недалеко от леса, стоял пустой, полуразрушенный домик. Его когда-то занимал дьякон. Он умер, а жена жила у своих родных, так вот она и сдала нам его.

Привели дом в порядок и поселились на новом месте. Избенка состояла из одной комнаты, вход в нее шел через малюсенькую кухоньку, где стояла русская печь. В кухню вели небольшие сенцы, а сенцы выходили на улицу и в сарайчик. Домик стоял в вишневом саду.

Кто дал стол, кто лавки. Мамины родные привезли из Москвы самовар, швейную машинку и немного посуды. С миру по нитке – голому рубашка.

Папа и я поступили в Москвотоп. Это учреждение находилось в Талицах, в трех километрах от Могилец. Папа устроился конторщиком, а я – помощницей к одной конторщице. Показали, как надо записывать входящие и исходящие бумажки в журнал, и вот тут-то я и получила отращивание на всю жизнь к учреждениям подобного рода, ко всяким бухгалтериям и конторам.

Постепенно подкралась ко мне грусть и тоска по Фергане, неудовлетворенность своей жизнью. Не об этом я мечтала, уезжая из Туркестана. Как оказалось мило все то, что прошло, как сказочный сон! Часто вспоминалось житье на Мельничной улице. Скучала по Лизочке, своей подружке, от которой я ничего не скрывала, которая, так же, как и я, любила природу, музыку, поэзию. Не с кем было помечтать, поделиться своими мыслями, заветными планами. Все далекое теперь казалось милым, невозвратным, и я тихо по ночам проливали горькие слезы.

Становилось все голодней и холодней. О продолжении занятий музыкой не могло быть и речи, хотя я ее ни на минуту не забывала и играла, где только представлялась возможность. В деревне в бывшем помещичьем доме организовали Дом культуры. Там стоял рояль, хоть и разбитый, но я играла. Случалось заниматься в Москве у знакомых, у маминых родных, которые каким-то чудом приобрели инструменты. Но все это было не то, от случая к случаю.

Мои двоюродные братья называли меня «особенной», не такой, как все. Наперебой ухаживали, писали записочки. Такое внимание к моей особе льстило. Я с ними шутила, смеялась, но, оставшись одна, особенно по вечерам, предавалась грусти, своим несбывшимся мечтам и воспоминаниям.

С детства я страстно любила природу. Меня всегда волновала окружающая красота. Дивные закаты, лунные и нелунные ночи, скромные русские березки, плакучие ивы, которых так много вокруг Могилец и Талиц. Природа здесь прекрасна. Могильцы стоят на высоком холме. Могильцы! Здесь я жила в раннем детстве. Здесь запечатлелись в памяти первые картины русской красавицы зимы. Голубой снег, ослепительный и чистый. Прозрачные, одетые в белые кружева, полные очарования и нежной прелести березки. Темные ели и сосны, прикрытые в сумерки сиреневым снегом, тихо отходящие ко сну. А расцветающая и распускающаяся природа ранней весной, блистающая всевозможными оттенками зеленой гаммы! Этот цвет навсегда стал моим любимым. А уж воздух – незабываемый, чарующий и опьяняющий аромат, чистый и неповторимый! Теперь я снова была здесь.

Сама деревенька тянулась с правой стороны в один ряд, с левой – чудный парк, когда-то красивый, с расчищенными аллеями и цветами, а теперь запущенный и заросший, с аллеями, превратившимися в тропиночки. В конце деревни – пруды: Иорданный, Чистый и Конские, где купали лошадей. К Иорданному ходили из церкви через парк с крестным ходом. Вокруг расстилаются поля, леса. Видно далеко-далеко. От Могилец до Бирлюковской пустыни по прямой – сорок километров. Но в ясную погоду можно видеть на горизонте ее колокольню. Правда, эта пустынь стоит тоже на высокой горе. И сколько же всевозможных цветов росло в могилецких лесах и лугах! Еще снег не сойдет, а на проталинке, под березкой уже удивленно глазееет на белый свет голубенький колокольчик на тоненькой ножке – подснежник, миленький, нежный цветочек. Такой хрупкий, холода не боится!

В лесу – заросли многоцветной медуницы, золотых купавок. А весенние волшебники ландыши и фиалки, или любки, как их еще называют! С их красотой и ароматом ничто не может сравниться.

И этих прелестных цветов росло огромное множество повсюду, и ходить далеко не надо. Пышные, крупные ромашки, колокольчики всех сортов, полевые гвоздики, лютики, барашки, бессмертники – и каких еще только цветов там не встречалось! Большие, красивые букеты собирала я и наслаждалась их прелестью. А какой кругом простор, какие дали! То тут, то там виднелись серенькие деревеньки, церковки, выглядывающие из-за лесов. А уж леса, дивные леса, кажется, конца-краю им нет! Грибов, ягод всех сортов – не перечить! Одна дубрава Чернятки чего стоила! Дивный дубовый лес, через который я теперь каждый день ходила на работу.

Только природа и радовала и заставляла забывать печальное настоящее. Красота ее неиссякаема. Все трогало: какая-нибудь веточка березы, изящно спускающаяся с дерева, головка ромашки, приветливо кивающая навстречу, или капелька сверкающей росинки, застрявшей в чашечке лютика, порхающая бабочка, стрекочущий кузнечик – все восхищало, все было мило, хотелось плакать при виде такой красоты.

Какие же в Могильцах закаты, восходы солнца! Какое бывало небо, какие краски – глаз не оторвешь! А воздух! От всей этой зеленой массы шел такой неповторимый аромат, такая свежесть! О, если бы крылья! Вспорхнула б я в голубизну неба и купалась бы, и резвилась бы в этом воздушном океане, наслаждаясь и вдыхая всей грудью необыкновенные, нежные запахи всевозможных растений, поднимающиеся волнами от теплой матери земли.

Но все это не заслоняло сладостных воспоминаний о промелькнувших трех годах, и тянуло туда, в сказочный мир красоты и божественной музыки, которую я там слышала. Так хотелось играть, играть и играть, отдаться любимому делу всем существом своим, как это было в Фергане. От таких переживаний и дум я ударились в религию. Ходила в церковь, пела на клиросе, усердно молилась.

Часто ездила в Москву, к маминим родным, доставала у них книги для чтения, нотную бумагу, так как начала сочинять музыку. Мне хотелось запечатлеть в ней красоту окружающей природы, которая в любое время года заставляла трепетать сердце. Хотелось излить в звуках свою грусть и печаль, свои переживания. Музыка лилась грустная, кое-что нравилось моим слушателям. Но запись на нотную бумагу оставляла желать лучшего. Требовалось знание всех необходимых предметов, связанных с композицией, а у меня их не было. Решила – если не удастся учиться музыке, то уйду в монастырь. Надо мной смеялись, говорили, что в монастыре одни сплетни, склоки и разврат.

Бывая в Москве, я видела много оборванных и грязных детей. Одни просили милостыню, другие грелись у костров, третьи спали в больших чанах, где варили асфальт. Это побудило меня написать стихи о голодных детях. Стихотворение показалось мне удачным, и я решила показать его какой-нибудь редакции. Выбрала газету «Гудок», она помещалась на Ново-Басманной улице. Вошла. Обратилась к секретарю, он прочел, передал другому. Тот сказал мне, что стихи неплохие, и ритм, и рифма, и содержание есть, но пройти они не могут, потому что в них есть слово «божья», и в стихах констатируются только факты, а о причинах ничего не сказано. Советовал продолжать работать – возможно, из меня и получится неплохая поэтесса. Не хотел обидеть. Позднее поняла слабость и ничтожество своих стихов. Нужны были знания, политическая грамотность, а я тогда ни в чем не разбиралась еще, но стихи писать продолжала.

II

Приезжая в Москву, любила бродить по ней, как когда-то мама в детстве. Ходила по бульварам, по Садовому кольцу, по Арбату и другим улицам. Заходила в музеи. Третьяковская галерея меня потрясла. Я попала в мир прекрасного, в мир цвета, света, необыкновенной гармонии красок. Такого огромного собрания картин я никогда не видела. Все это ошеломило, подавило. Я бросалась от одной картины к другой, бегала по залам, но потом решила, что лучше осмотреть два-три зала, но как следует, чтоб понять, почувствовать все это очарование.

Преодо мной полилась другая музыка – музыка цвета, гармония цвета; она так же была богата всевозможными оттенками, как и гармония звуков. Смотря на некоторые пейзажи, я узнавала свои мечты, свои сны и поражалась – как? Все это, оказывается, где-то есть на самом деле!

Особенно запали мне в душу картины Репина, Поленова, Шишкина, Васнецова, Сурикова, Перова, Врубеля, но ближе всего оказался Левитан. Подолгу простаивала у его «Омута», «Золотой осени», «Владимирки». Когда я смотрела на эту картину, в душе звучала песня: «Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный», хотя я еще толком не знала, что такое «Владимирка». Сам пейзаж

настолько уныл и грустен и так убога дорога, что в воображении возникали именно шедшие по ней колодники, убогие, нищие, а не тройки с бубенцами.

В Третьяковскую я зачастила. Как приеду в Москву, так сейчас же туда. Столько радости она доставляла, столько впечатлений я уносила из этого прекрасного храма искусства.

Заходила я и в храм Христа Спасителя. Он поразил меня своей огромностью, своим величием, гордо возвышаясь над Москвой и уходя крестами в небо, любовно поглядывая на Кремль. Много позже, когда его уже разрушили, я узнала, что его расписывали такие художники, как Васнецов, Репин. Из-за одного этого надо было его сохранить.

Ходила в Румянцевский музей, где сейчас библиотека им. Ленина, а тогда тут был этнографический музей. В нем экспонировались предметы народного быта, одежда разных национальностей нашей страны. Все это было интересно и очень обогащало. Но такие поездки выпадали не часто. Много времени уходило на хозяйство, на добычу продуктов.

В Москвотопе я проработала недолго, его закрыли. Папа устроился в больницу бухгалтером, а я стала наниматься на сельскохозяйственные работы: помогать жать, убирать сено, картофель. Платили мне продуктами. Первый взмах серпом пришлось по указательному пальцу левой руки. Пришлось, пока не зажил, делать жгуты и вязать снопы. В дальнейшем все наладилось.

С продуктами становилось тяжелее день ото дня. Иногда по неделям не видели хлеба. Выручали грибы. В это лето их уродилось много. По полной корзине приносили белых. Искать их интересно. Бродишь по волшебному лесу, заглядываешь под кустики, под деревца, вдруг стоит крепенький, в коричневой шляпке с серебряным налетом, боровичок! Даже брать его было жалко, до того хорош и красив! Около березок, на лужайках, то тут, то там выглядывают подберезовички, молоденькие, на тоненьких ножках, только что вытянулись, еще «несмышлененькие», как телятки! А то вдруг, мухомор-красавец, в ярко-красной шляпе с белым горошком, стоит среди желтых листьев – чудо! Грибы ели вареными, без масла и соли. Животы были набиты, а есть хотелось сильно.

В Москве меня угощали где хлебом, где лепешками. Я ухитрялась все это потихоньку прятать, чтоб привезти мамусе с ребятами. Мне кусок в горло не шел, когда я знала, что они голодают.

Дома у меня был свой уголок. В сарае я нашла плетеный столик. Вымыла, вычистила его и поставила в проходной кухоньке, напротив русской печки, около окошка. Хотя мимо моего столика ходили взад и вперед, уединения не было, но все же это был мой «кабинет». Тут, когда все улягутся, со свечкой или с копилкой я писала дневник, стихотворения, мечтала, грустила, смотрела в оконце. Особенно любила сидеть тут в дождливую, ненастную погоду. Такое состояние природы мне больше нравилось. Оно импонировало моему грустному настроению, моей тоске по Лизочке, по музыке. Казалось, когда идет дождик и уныло стучит по крыше и стеклам, то он тоже о чем-то тоскует, и плачет, и сочувствует мне, и вместе со мной стремится в светлую даль. Вишневые деревца тоже печально заглядывали в окошко и сочувственно кивали мне своими ветвями. Листочки мягко шелестели о стекла, как бы утешая и обещая желанный просвет в будущем. А где-то в глубине сердца звучала «Осенняя песня» Чайковского, и казалось, что она льется в окно из вишневого сада. Как Петр Ильич тонко подмечал состояние природы, человеческие настроения и переживания! Все это проникало глубоко в душу и вызывало слезы.

На столике всегда стоял букет цветов до самой поздней осени. Лежали книги, ноты, стояли разные безделушки, сделанные мной из бересты, соломки. Я любила этот маленький, уютный уголок. Вставала рано, часов в пять. Убирала наше жилище, топила печь, помогала маме, а потом шла на работу в Москвотоп, пока там работала, или на уборку сена, ржи, картофеля – конечно, не нашего. Когда мамуся ушла в больницу, где у нее родился пятый ребенок, Сашенька, то я со всем хозяйством справлялась одна, хотя мы все умели и готовить, и стирать, и делать другие дела по хозяйству.

Кулинария наша была несложной. Варили грибы, пекли лепешки из картофельных очисток, предварительно высушив и смолов на мельнице.

В больнице мама заболела. Мальчика взяли домой. Такой хорошенький, полненький, но материнского молока ему попробовать не пришлось. Растили на коровьем, которое для него давала тетя Анюта, а соску делали из черного хлеба, который тоже берегли только для него. Когда мама вернулась из больницы, она не узнала сына, так как он похудел и изменился на наших харчах. Тяжелое и грустное было время. Горько видеть родных, любимых людей, которые голодают, терпят нужду, и не имеют возможности помочь им, обеспечить их полностью всем необходимым.

За церковью распласталась квадратная, большая луговина, обнесенная со всех четырех сторон канавой, по краям которой росли деревья, кустарник, земляника и грибы. Это место почему-то называлось «выставкой». (Теперь здесь пионерский лагерь Радиокomiteта.) «Выставка» спускалась под горку, к полю, к дороге, в Талицы. Я любила здесь бегать, перепрыгивать с кочки на кочку, воображая себя порхающей птицей. Любила сидеть на пригорке, в конце «выставки», под сосенкой или березкой. Любовалась на видневшиеся вдали Чернятки, на вьющуюся дороженьку. Было видно, кто выходил из Черняток, куда шел. На горизонте виднелась церковка древнего села Рахманова, расположенного, где Ярославское шоссе, на горе, в шести километрах от Могилец. И вот, наработавшись, набегавшись, нахлопотавшись, я уходила в это заветное местечко и любовалась окружающей меня красотой.

Солнце скрывалось за Чернятками. К закату вся природа затихала, готовясь ко сну. После жаркого дня наступал тихий, прохладный вечер. Небо сверкало всеми цветами радуги. Все замирало при виде великого таинства, происходящего на небе. Я сливалась с природой, не чувствуя себя и боясь шевельнуться, как и ветерок, угмонившийся где-то в листве. По небу плыли причудливые облака. То появлялась львиная голова, то какая-нибудь фигура в римской тоге, а то проплывал целый фантастический городок с древними чертогами, позолоченными солнцем, тут же на глазах меняя свои формы, вытягиваясь и превращаясь в какое-то неведомое чудовище. Что за блаженство я тогда испытывала! Чудные фантазии забредали в голову, о чем только не мечтала!

Наступали сумерки, а затем темнота, и я возвращалась домой, потрясенная виденным, наполненная неизъяснимым чувством, боявшаяся расплескать эту красоту, горящая желанием сохранить все это в памяти надолго. И я сохранила. Сохранила на всю жизнь любовь к природе, ко всему прекрасному.

III

Мамины родные пригласили меня на оперу «Царская невеста», которая шла в малом зале консерватории под управлением Ипполитова-Иванова. Впервые я увидела и услышала союз многих муз искусства: сольного пения, хора, оркестра, дирижерства, режиссуры, декораций и живописи. Опера произвела на меня сильнейшее впечатление. С замиранием сердца следила за развивающимися событиями. До боли сжимала руки, видя готовившееся злодейство. Последняя ария безумной Марфы подействовала, как что-то необыкновенное, небесное. Слезы текли по моим щекам, и я не в силах была остановить их.

– Вредно тебе ходить на оперы, – говорила тетя Оля, жена маминого брата дяди Лени.

На другой день приехала домой. В дневнике описала всю оперу, свои впечатления и снова пережила, перечувствовала и мысленно увидела и услышала спектакль. Судьба бедной Марфы потрясла. Долго я находилась под впечатлением виденного. Переживала как личное горе, и белый свет мне был не мил. Долго звучала в ушах замечательная увертюра. Основные мелодии и арии запомнились сразу. Не думалось тогда, что буду знать всю партию Марфы и петь ее арии.

Ипполитов-Иванов мне понравился. Он был тогда директором консерватории, и я решила поехать к нему, чтоб он меня прослушал. Приведя огрубелые руки от сельской работы в порядок, насколько это было возможно, и потренировавшись некоторое время, поехала в Москву.

Ипполитов-Иванов жил при консерватории. Мне говорили, что в молодости он был знаком с Чайковским, знал композиторов «Могучей кучки». Стоя у его подъезда, долго не решалась позвонить. При мысли, что сейчас увижу человека, который видел Петра Ильича, говорил с ним, жал ему руку, меня охватили робость и волнение.

Наконец позвонила. Открыли. Провели в небольшой зал со сценой. Вышел и приветливо поздоровался со мной небольшого роста, полненький, симпатичный старичок.

Слева у сцены стоял рояль, а справа за столиком устроился Михаил Михайлович и, слушая мою игру, что-то прихлебывал из стаканчика. Рояль отличнейший. Ничто не раздражало. Тишина. Никто не мешал, и я забыла, где находилась.

Проиграв все, что знала наизусть, принялась играть свои композиции. Играла два часа. Опомнившись и спохватившись, что отняла у него столько времени, я встала, вся красная от смущения, закрыла рояль и вытерла платком вспотевшее лицо и шею. Михаил Михайлович подошел ко мне и сказал: «Я беру вас к себе. Приезжайте в Москву, устраивайтесь с жильем и приходите ко мне».

Домой летела на крыльях. Восторженно рассказывала обо всем родителям. Но папа произнес, что содержать меня в Москве не на что и негде, да и без моей помощи им будет трудно. Как будто

вылили на меня ушат холодной воды. Все померкло. Едва вспыхнувшая надежда, мечты улетучились, как легкое дуновение. Музыкальная моя звездочка, до сих пор озарявшая мой жизненный путь, закатилась... навсегда. Второй раз была протянута рука, которая повела бы меня, как Мицгер, в храм искусства, по дороге, выбранной с детства, помогла бы встать на путь совершенства в любимом деле, но...

Рана была глубока. Она осталась кровоточить на всю жизнь. Конечно, если бы я уехала самовольно, пришла бы к Ипполитову-Иванову и все бы ему рассказала, то он, уверена в этом, приютил бы меня, как приютил многих других, по своей доброте. Но я этого не сделала. Очень жалела мамусю. Ей было трудно с такой семьей. А через шесть месяцев у нас случилось большое горе и мне все равно не пришлось бы учиться.

VI

Наступила осень, любимейшая пора, «очей очарованье». Я просиживала в свободные часы у открытого окна за своим столиком, глядя в высокое небо, то ясное, то покрытое тучами, но всегда прекрасное. Вдыхала аромат увядающей зелени, опавших листьев и предавалась своим невеселым думам. Что-то от меня ушло большое, дорогое сердцу. Оборвалась светлая дорожка, начавшаяся в Туркестане, в консерватории. Ушло мое блестящее будущее, которое мне пророчили. Ушли мечты о прекрасном, ушла надежда стать пианисткой. Изливала эти горькие думы дневнику, в стихах и в письмах к Лизочке, которая тоже писала мне отчаянные письма, что очень скучает и рвется ко мне в Москву.

Ходила по больницам, говорила с врачами о ноге Лизы, нельзя ли выписать ее из Скобелева прямо в больницу, но ничего не получилось.

Однажды пришла открытка от Елены Дмитриевны Адамович. Она приехала в Москву и проездом остановилась в эвакопункте в Орликовом переулке. Немедленно поехала в Москву, разыскала ее. Встреча была трогательной. Елена Дмитриевна обрадовалась мне, а я расплакалась, обо всем ей рассказала. Она огорчилась, что так складывается моя жизнь и рушится музыкальная карьера. Передала много новостей.

А.И. Алексеев живет в Москве на Малой Дмитровке и поет в МУЗО. Таня Парадизова вышла замуж и тоже приехала в Москву. Много народу покинуло Скобелев. Музыканты все разъехались. Советовала не унывать, музыку не забывать, что еще не все потеряно. Елена Дмитриевна уезжала в Вену. Обещали писать друг другу и сердечно простились... навсегда. Уходила я от нее с тяжелым сердцем.

Вдруг получила письмо от Алисы Ивановны. Как она узнала, где я нахожусь? Обрадовалась несказанно. Вспомнилась милое местечко Электропередача. Теперь я знала, кто такие были Кржижановский, Радченко, Землячка и другие люди, с которыми я там встречалась и которым была обязана счастливым детством и лучшими годами жизни моей и моей семьи. А впоследствии узнала еще больше. Узнала, что эти люди были зачинателями и организаторами Коммунистической партии, её ядра, во главе с В.И. Лениным. Эта блестящая плеяда высокообразованных людей, окружавшая Владимира Ильича, на которую он опирался, помогала ему осуществить его великие идеи своей титанической работой.

Письмо Алисы Ивановны я привожу полностью. Из него видно, что она осталась прежней неутомимой и деятельной. Какой была на Электропередаче.

«Милая Варюша! Очень хорошо тебя помню, девочка, и часто вспоминаем о тебе с другими электропередаченскими ребятами. Только с 19-го я живу на другом, подобном же болоте, гораздо большем – Шатуре. Оно находится на Казанской ж.д. Люберецко-Арзамасской ветви. Пиши мне так: Главторф, передать на Шатуру. Тут очень интересно, только вот жить трудно и разъезжать дорого. Мы, вероятно, переедем скоро в Москву, где постоянно приходится жить Ивану Ивановичу. На Шатуре мы поселились из-за Алешиного здоровья. Теперь он окреп, может и в городе жить.

Я за эти годы на Шатуре развела несколько школ, детских садов, вечерние курсы и пр. Все это объединено под названием 2-ой Опытной Станции по Народному образованию. Весной я передала заведывание этим делом другому человеку, а сама занялась организацией местной газеты.

К нам на Шатуру переселилось много служащих из Электропередачи, между прочим и Лашковы, дети которых учатся у нас в школе. Таня перешла во вторую группу 2-й ступени, или в седьмой класс. Алеша мой перешел в 6-й. Леня же, брат Тани, по лености застрял в четвертом.

Тебе, значит, немного пришлось учиться. Жаль, ты была ведь способной девочкой. Сколько же тебе лет теперь – 15-16? А Жене и 14 не будет. Рано же вам приходится служить. Я очень хочу тебя повидать, не знаю только, как это сделать».

Поехать к Алисе Ивановне на Шатуру я не смогла. Письмо пришло как раз тогда, когда мама лежала в больнице, да и денег не было. Но связь моя с Алисой Ивановной, возобновившись вновь, не оборвалась. Все родные советовали мне учиться. В Талицах два года тому назад местным жителем Поповым Сергеем Ивановичем была организована школа-интернат второй ступени. Под общежитие для дальних учеников он отдал свой дом, первый этаж, а сам с женой Варварой Семеновной поселился в мезонине.

Еще в Фергане я некоторое время брала уроки по русскому языку, алгебре и геометрии у одной учительницы. Теперь все это пригодились. Достав книги и все повторив, держала экзамен, и меня приняли в седьмой класс второй ступени. Таким образом, я не отстала от своих электропередач свертников, о которых писала Алиса Ивановна.

Это хорошо – учиться! Опять на школьной скамье, на которой я не сидела шесть лет. Разные чувства волновали меня. Каких-то встречу ребят, подружусь ли с кем! А музыка? Придется ли мне вернуться к ней и опять погружаться в ее звуки, как в волшебные волны, уносившие меня когда-то в неведомый, но прекрасный и необъяснимый мир? В глубине души еще какая-то надежда теплилась, мерцал малюсенький огонек, но...

Занятия в школе начались только в октябре. Ребята помогали своим родителям в сельскохозяйственных работах. Сначала я была приходящей, но потом перешла в общежитие, в дом Сергея Ивановича.

Брата Женю устроили в Ельдигино, в школу-интернат, которая помещалась в доме Арманда. Сережу устроили в город Сергиев, теперь это Загорск. Там его поместили в детдом. Таким образом мама осталась с двумя детьми: младшей сестрой и маленьким братом. Так распалась и изменилась наша семья, когда-то веселая, дружная, любившая всякие затеи, папины чтения, музицирования, домашние спектакли. Всё кончилось. Жизнь потекла по другому руслу.

ТАЛИЦКАЯ ШКОЛА

I

В школе ребята встретили меня приветливо. Многие знали, что я играю на фортепиано и слышали мою игру и в Талицком, и в Могилецком домах культуры, в работу которых я включилась тут же, как только приехала из Туркестана. Отношения сразу установились дружеские, душевные, как будто я там училась давно.

Заведующий школой и ее создатель Сергей Иванович Попов любил свое детище. К ребятам относился по-товарищески, но строго. Много приложил усилий, труда, хлопот, много перенес неприятностей, пока школа встала на ноги. Да не только школу, он основал и Талицкое культурно-просветительское общество, оркестр струнных инструментов, драмкружок, пожарную дружину, библиотеку и многое другое.

Вся большая семья Поповых: братья и сестры Сергея Ивановича, его жена Варвара Семеновна – все принимали активное участие и помогали ему в этом благородном деле. Много вложили и своих средств, чтоб поднять на ноги и школу, и Общество.

У Сергея Ивановича были большие, серые, добрые, выразительные глаза, смотревшие всегда прямо, и хорошая, открытая улыбка на простом русском лице. Много добра он сделал людям. Помог получить деревенским ребятам образование, в том числе и мне.

Школу он организовал в 1919 году. Страна тогда тяжело поднималась из разрухи. Что-либо достать и выхлопотать стоило большого труда, да к тому же школа в 20-м году сгорела, надо было начинать все сначала. И тем не менее он не сдался, не бросил дорогое ему дело, а воздвиг все сначала, заново. В школе училось около шестидесяти человек. Ребятки деревенские, простые, бесхитростные.

В нашем седьмом классе оказалось девять человек. Двоюродные братья Аигины, Леонид и Борис: Леонид – серьезный мальчик, немногим старше меня, скромный, стеснительный и способный на учебу. Борис внешне был интересней Леонида, помладше, но легкомысленнее, часто отпускал злые шутки, был непостоянен и насмешлив, Коля Попов жил в деревне Бурдаково (теперь Майское), за станцией Софрино. Небольшого роста, пухленький, остроумный, учился

хорошо. Его звали Николай Павлович Попов, а ребята сокращенно величали Эн-Пэ-Пэшина. Миша Виноградов и Ваня Филатов – самые русские, веснушчатые, голубоглазые пареньки. Позже в наш класс пришел новый ученик Андрюша Абельс, жил в Алешине, где и Парусникова, о которой речь впереди, но проучился он у нас недолго, заболел и мы с ним потом встречались только у Веры Парусниковой, когда я приезжала к ней погостить. Тут мы веселились вместе с Андрюшиными сестрами и другими родными уже в доме Арманда, где пели песни, музицировали, играли в игры и танцевали. А в дальнейшем его сестры приезжали к нам на школьные вечера.

Кроме меня, учились три девочки: Вера Парусникова из Алешина, серьезная, уравновешенная, начитанная девушка с большой русской косой. Училась хорошо, любила математику и, окончив школу, не изменила своему влечению, поступив в педагогический институт. Работала преподавательницей математики и была награждена значком «Отличник Народного Образования». Мы быстро подружились, я с ней советовалась во всех делах и часто получала от нее проборки за свои промахи и баловство.

Паня Тихомирова постарше нас, с египетским профилем, профилем Нефертити, успела уже поработать до школы. Настроение у нее менялось несколько раз в день: то она грустная, сидела, мрачная, неразговорчивая, а то вдруг нападало бурное веселье и смех. После школы она окончила библиотечный институт и проработала 25 лет в библиотеке им. В. И. Ленина завотделом гигиены и реставрации книг, который сама же и создала.

Третья девочка, Клаша Болотцева, мечтательная, нежная натура, задумчивая, рассеянная, страстно любившая природу и красоту, на этой почве мы с ней и сошлись и до конца ее неудачной жизни были связаны большой дружбой. Красотой Клаша не отличалась, но на лице чудесного цвета, светились черные, большие глаза, задумчиво глядевшие из-за длинных, темных ресниц. Я любила смотреть в эти глаза, любоваться её нежным румянцем, её милым, застенчивым видом. Клаша училась неважно. Сидя на уроке, она отсутствовала, и мысли ее летали где-то далеко. Объяснений педагога не слушала, а потом умоляла помочь. Начнешь помогать, а она устремит свои темные вишни в окно и опять где-то витает. Поэтому и давалось ей все трудно.

Девочки все жили в общежитии, а из мальчиков Аигины и Коля Попов были приходящие.

II

Вместе с занятиями началась и культурная деятельность. Решили ставить пьесу «Пройдоха», автора не помню, а содержание таково: один мужик по имени Пройдоха, купил у торговца по имени Простота кусок сукна, а за деньгами просил его прийти к нему домой, да, кстати, и отобедать у него, посулив угостить щами со свининой и жареным поросенком с кашей. Купец поверил, пришел, а Пройдоха притворился больным. Лежит на печи и стонет. Жена сказала, что вот уже три дня, как муж заболел горячкой. Простота удивляется: как же так, только вчера он купил у него сукно! Жена машет руками: «Что ты, что ты! Ты, видно, помешался!» Простота ушел.

Пройдоха слез с печи и хотел достать сукно, как вдруг Простота вернулся. Пройдоха не успел залезть на печь и, быстро надев на голову горшок и сев верхом на метлу, стал изображать сумасшедшего и скакать по комнате, наступая на Простоту; тот перепугался и убежал, а Пройдоха с женой достали сукно и стали с «обоих концов завертываться в него», приговаривая, какие они молодцы, так ловко надули торговца.

Простота прогнал от себя пастуха, обвиняя его в краже овец, которых тот резал, а мясо продавал на базаре. Назначили суд. Пастух нашел в лице Пройдохи защитника, научившего его на все расспросы отвечать «бэ-э-э». Пастух так и сделал, и его оправдали. Пройдоха потребовал вознаграждения, а пастух ему все: бэ-э-э да бэ-э-э. Так обманщик ничего и не добился, и Простота был отомщен.

Меня назначили сценарисом. Пройдоху играл Боря Лебедев, жену – Катя Снедзен, они учились в шестом классе. Суфлером была Паня Тихомирова. Спектакль удался на славу, но не без казуса. Суфлерской будки не было, и Паня суфлировала сбоку, из окна декорации. Когда Боря с горшком на голове и верхом на метле носился по сцене, что было очень комично, Паня, забыв, что она суфлер, высунулась по пояс из окна на сцену и хохотала громче публики. Я как сценарис бросилась к ней, умирая от смеха, но уже от Пани, и вытащила ее из окна.

После спектакля состоялось обсуждение, и Сергей Иванович, смеясь, сделал Пани замечание, что нельзя так увлекаться и забывать свои обязанности.

Пока я еще ходила домой, потому что скучала и беспокоилась за маму, за ребят, что они голодают, хотя помочь ничем не могла. На душе было тяжело.

В незнакомую, непривычную среду попали два брата, оторванные от семьи, от отца и матери. Но вскоре пришлось переехать в общежитие и мне. Дни становились все короче и короче. Обуви не было, да и Чернятками стало боязно ходить в темноте.

Перевез папа мои вещи в общежитие. Кровать поставил у печки. С болью смотрела на папку, здорово похудевшего от неудач и недоедания, заботливо устраивавшего мое новое жилье. Сердце дрогнуло, зануло, с трудом сдерживала слезы, которым дала волю ночью. И как всегда, нахлынули воспоминания об Электропередаче, Фергане. Вспомнились беззаботное детство, полное сказочного очарования, волшебные сны, дивные грезы и жизнь, стремительная, полная огромного труда и бурных успехов в музыке. Как все было тогда ясно, светло, определенно. Куда все это девалось?

Наступила юность с заботами и тревогами, голодная и холодная, но все же юность. В ней нет глубоких переживаний, как в старости. Сквозь темные тучи нет-нет, да и проглянет розовый луч надежды, поэтому, как тяжело ни было, а грезы меня не покидали. Теперь это были другие мечты и сновидения. Днем – занятия и дела, уроки в школе, но ночь была моя, и я уносилась от действительности, погружаясь в мечты, улетала в изумительную сказку, в иной мир, где все было прекрасно, и природа и люди. Все делалось, как я хотела, и все кончалось хорошо. С этими видениями я и засыпала.

III

В школе началась интересная жизнь. Общежитие, как я уже сказала, находилось в Талицах, в доме Сергея Ивановича. Сам он помещался с женой Варварой Семеновной, которая преподавала у нас русский язык и географию. Она была скромной и сердечной женщиной. Помню, я как-то пришла в общежитие, насквозь промокнув, сняла худую обувь и сидела босиком на кровати. Варвара Семеновна, проходя к себе, увидела и сейчас же принесла мне валенки. Школа же наша находилась за деревней, в красивой березовой роще, стоявшей на высоком берегу речки Талицы, в малюсенькой дачке.

Мы по очереди дежурили в общежитии, в классах, топили печи, подметали, мыли полы, следили за порядком, а в кухне мыли посуду, чистили картошку, помогая нашему повару Поле готовить несложный обед, состоявший из супа с селедками или с селедочными головами, а то и вовсе из пустых щей, а на второе – пшенная каша на воде с постным маслом, причем на большую кастрюлю-изварку полагалась одна столовая ложка масла. Или жареный, тоже на воде, картофель. Хлеб приносили свой, а у меня его никогда не было. Спасибо чутким, добрым и тактичным девочкам, всегда меня выручавшим.

Мальчики, ложась спать, у себя в общежитии рассказывали на сон грядущий сказки. Никаких глупостей, никаких драк и ругани. Ко всей этой обстановке я быстро привыкла, и мне стало хорошо и уютно.

Для отопления школы и общежития дрова пилили сами. Пилили весело, со всем пылом молодости и неистраченной силы. Пилили наперегонки, на выносливость, кто дольше выдержит. Я пилила с мальчишками, но они уставали скорее меня и просили «пardonу». Заметила, что Леня Аигин часто на меня поглядывает и всегда пилит дрова со мной. Мне он тоже нравился, с ним работалось легко, как-то все шло согласованно и ладно.

В 1921 году 5 декабря отмечалось столетие со дня рождения Некрасова, и мы стали заранее к нему готовиться. Избрали литературную комиссию из пяти человек. В нее вошли Леонид и Борис Аигины, Коля Попов, Леня Скотников и я. Скотников писал стихи, иногда посвящая их мне и вписывая в мой альбом. Мы так и звали его поэтом. Меня избрали председателем, и комиссия тут же принялась за работу. Опросили, кто знает стихотворения Некрасова, и какие. Подумали, что из них можно инсценировать как маленький спектакль, а что продекламировать под музыку. Составили программу концерта и план проведения вечера.

Должно было состояться родительское собрание в этот день и окончиться концертом и танцами. Началась подготовка. Учили стихи, репетировали, спорили, доказывали. Стоял шум, смех, не обходилось и без баловства.

Наконец торжественный день наступил. Все происходило у нас в общежитии, состоявшем из двух комнат, довольно-таки больших – девичьей и мальчишечьей. Кровати вынесли в сарай. В одной комнате сделали нечто вроде сцены, украсили ее флажками, гирляндами из еловых ветвей с

шишками. А в другой – приготовили все для родительского собрания. На стены повесили большие афиши; кроме этого, сделали маленькие программы, красиво разрисованные, и положили на столы, к каждой паре приборов, так как после собрания родителей угощали.

Официальная часть длилась недолго. После этого накормили нас обедом, а затем сели взрослые. Я ухаживала за гостями, подавала кушанья, правда очень скромные. И вообще во всем этом торжестве играла не последнюю роль.

Концерт начался вступительным словом Сергея Ивановича о Некрасове и его значении для русской литературы и продолжился художественной частью. Первый вышел Леня Скотников и прочел свое стихотворение, посвященное Некрасову. Волновался ужасно! Казалось, вот-вот заплачет. Ваня Филатов продекламировал «Смерть крестьянина». Катя Снедзен и я спели дуэт «Страда деревенская». Боря Лебедев прочел «Зеленый шум» под мою импровизацию на рояле, и получилась мелодекламация, имевшая шумный успех.

Хорошо разыграли сцену «Сват и жених» Боря Аигин и Саша Хромов, которого мы звали медведкой за его неповоротливость, а вообще он был симпатичный парень, здоровый, сильный, насмешливый и добродушный.

Второе отделение открыл Леонид Аигин, недурно прочитав «Генерал Топтыгин», и Петя Хлопинский спел «Песню убогого странника» под мой аккомпанемент. Затем сама декламировала трогательное стихотворение «Мать» и пела песню из «Медвежьей охоты». Тоже порядком волновалась! Закончился концерт хором.

Все получилось слаженно, интересно и гладко. Начались танцы. Открыли бал мы с Борей Лебедевым. Танец получился у нас совсем неплохо. Интересный паренек младше меня классом, способный и весьма остроумный. Танцевали все – и мальчишки и девчонки. Под конец я и Ося Чулков отплясали русского, вечер окончился. Все остались довольны – и мы, и наши родители.

Я пошла домой с папой и мамой. Поднялась метель. Озорной ветер дул прямо в лицо. Идти стало трудно, а идти три километра. Лес шумел и качался, возмущаясь, что и ночью ему нет покоя. Светила луна, а по небу бродили темные облака. Нас догнал Иван Петрович Фомин, преподаватель алгебры и геометрии. Жил он в Фомкине, от Талиц семь километров. Ехал с женой на лошади и посадил нас с мамой. До чего же хорошо было катиться на санях! Иван Петрович говорил маме:

– Ну и дочка у вас, на все руки, да как все хорошо.

Конечно, мамочке приятно было это слышать, а мне и подавно. Но похвалы никогда не кружили голову, всегда казалось, что я их не заслужила и можно было сделать еще лучше.

IV

Однажды вечером, сделав уроки, мы решили повеселиться и стали брызгаться водой. Наберем в рот и... друг в друга. Мне этого показалось мало. Понеслась в кухню, зачерпнула ковш воды из кадки. Это предназначалось для Пети Хлопинского, так как он поливал меня больше всех. Встала с ковшом за дверью, уверенная, что он побежит за мной. Дверь открылась, и я, как следует не разглядев, плеснула и только уж после этого в освещенной дверной раме увидела силуэт Сергея Ивановича. Это был один момент. Дверь захлопнулась, а я бросилась в сарай. Немного погодя прибежал за мной Петя:

– Что ты наделала?! Ведь ты Сергея Ивановича облила! Он очень рассердился, велел немедленно ложиться спать и ушел к себе.

Я вошла в общежитие. После невообразимого шума и веселья стояла немая тишина. Каждый виновато копошился у своей постели. Ребята сказали, что они меня не выдали. Все быстренько разделись и улеглись. Я себя чувствовала плохо. Не то чтоб испугалась, а сознавала, что совершила нечто такое, хоть и не нарочно, что навсегда теперь изменит хорошее ко мне отношение Сергея Ивановича.

Наутро собираемся в школу. Вышел наш заведующий:

– Пока не найдется виновный, в школу не пойдете.

– Сергей Иванович, это сделала я, я думала, что идет Петя.

– Я знал, Варя. Собирайтесь и идите на занятия.

И все. Лучше бы он меня высек, мне стало бы легче. Потом я всячески старалась искупить свою вину, предлагая Сергею Ивановичу помощь во всем, где только было можно.

В баловстве я считалась заводилой. Но когда требовалось что-то придумывать и изобретать по части спектаклей, разных украшений, рисований афиш, программы и оформлений, то тут без меня тоже не обходилось. За это Сергей Иванович ценил и многое прощал мне.

Как-то вечером играли в прятки, и я решила помочь водившему, подсказывая, кто где спрятался. За это ребята на меня налетели. Спасаясь, я бросилась в кухню. Окинув ее молниеносным оком, увидела висевший на стене деревянный половник. Размахивая им, как шпагой, я выдавала награды кому по спине, а кому по голове. Поднялся несусветный шум и крик. Прибежал Сергей Иванович. Пробрал всех, а меня особо. Развел на «зимние квартиры» и велел немедленно ложиться спать, чтоб и духу нашего не было слышно.

Однажды мы, девчонки, решили устроить спиритический сеанс. В десять часов вечера улеглись в кровати в одеже. Пришел Сергей Иванович, проверил, все ли на месте, и ушел к себе наверх. Мы вскочили и потихоньку проскользнули в комнату нашей поварихи Поли, предварительно заручившись ее согласием. Она находилась в кухне, а мы разложили на столе бумагу с написанными по окружности буквами. В центр окружности поместили блюдце с черточкой на краю и, усевшись вокруг стола, положили холодные пальцы на блюдце. Было зябко, хотелось спать.

Сидели-сидели, блюдце ни с места. Тут спохватились, что не условились, чей дух будем вызывать, вот, наверное, поэтому блюдце и не двигается! Мне хотелось вызвать дух Лермонтова. Другим понадобился дух Пушкина, Гоголя. Завязался спор. Вдруг блюдце двинулось. Опять заспорили. Одни говорили – само, другие уверяли, что это Вера Парусникова подтолкнула. Пришла Поля и обозвала нас дурами.

– Кто же так гадают? Вы своими спорами всех духов распугали. Должна быть тишина, а у вас базар. Идите спать, а то позову Сергея Ивановича. Так с блюдцем ничего и не вышло.

Под крещение надумали гадать, и когда все улеглись, отправились в сарай узнавать, с какой стороны придет суженый. Для этого сняли с ноги кто валенок, кто ботинок и забросили через ворота на дорогу. Ночь была лунная, снежная, морозная. Мой дырявый сапожок лежал поперек дороги носом к Москве.

– Оттуда жди, – сказали девчонки. Таня Тихомирова бросила хороший новый валенок. Искали, искали его, но так и не нашли. Кто-нибудь утащил, а ей не в чем было идти в школу.

Однажды затеяли гадать на зеркале, не увидим ли там женихов. В сарае ютилась маленькая комнатка, называвшаяся баней, хотя никто в ней не мылся. Туда мы притащили зеркало. Покрыли его черным платком. Сбоку поставили свечу. Перед зеркалом – стакан с водой, опустив в него кольцо, взятое у Поли. Входить в комнату стали по одной. Садись перед зеркалом и смотри, не появится ли там жених.

Я смотрела, смотрела, но, кроме своей физиономии, ничего не увидела, выйдя, сказала об этом.

– А зачем ты на себя-то смотрела? Надо сбоку глядеть, чтоб себя не было видно.

Пошла гадать Паня, а я решила подглядеть за ней в щелку, что она там увидит. Щель у двери зияла сверху. Взгромоздившись на ящик, я увидела: Паня сидела и смотрела сбоку, с поднятым платком, потом спокойно встала, погасила свечу и с криком: «Видела, видела, в шинели идет по дороге и свечу погасил», – выскочила из бани и сшибла меня вместе с ящиком. Несмотря на ушибы, я покатила со смеху. Обман был налицо.

На крик и грохот пришел Сергей Иванович. Узнав в чем дело, пристыдил нас:

– Большие девчонки, учитесь, а продолжаете верить в эту чепуху! Наверное, Варя тут не последнюю роль играла? – Но девочки хором завопили, что эта затея всех. Сергей Иванович прогнал нас спать, на том дело и кончилось.

V

Наступили зимние каникулы. Нас отпустили домой на две недели. От Сергея Ивановича каждый получил задание: собрать материал в виде песен, пословиц, постараться узнать историю возникновения окружающих деревень, далекое прошлое Софринского района, историю и дату постройки церквей, исторических памятников и так далее. Дело в том, что Сергей Иванович мечтал создать музей краеведения по Софринскому району, и мы с удовольствием взялись ему помогать. Я получила задание собрать старинные русские песни, которые пели в Могильцах крестьяне.

Пожелав друг другу хорошего отдыха и веселья, мы расстались. 31-го декабря, под Новый 1922 год, папа зашел за мной в общежитие и мы пошли домой. Взойдя на гору, я оглянулась на Талицы и искала глазами в темноте наше общежитие и подальше, за рекой, школу. Везде мерцали уютные огоньки, было тихо и торжественно. Природа готовилась к встрече Нового года. А у нас дома не было даже хлеба.

Тяжелое шло время. Вся страна лежала в развалинах. Только что отгремела и затихла гражданская война. Многие заводы не работали. А тут еще засухи, старый метод обработки полей, да и работать-то было некому. Сколько народу погибло на этих двух войнах! Советскую власть не все приняли. Вредили, саботировали, уезжали за границу. Вокруг нашего государства, как голодные волки, сидели капиталистические страны и ждали, когда падут Советы, сраженные голодом, разрухой, болезнями. Но Советы выдержали, несмотря на жесточайшую интервенцию. Разутый, раздетый, голодный русский народ победил. А теперь надо было чинить и латать свою истерзанную, измученную, многострадальную Родину.

На деревне жила одна крестьянка, Татьяна Волгина, знавшая много песен. Она позвала меня к себе ночевать. Захватив с собой нотную тетрадь и бумагу, я отправилась к ней. В избе было тепло. Горела лампада перед темной, закоптелой иконой. На стене висели засиженные мухами фотографии. Вдоль стен стояли лавки. Под образами – стол, как на картине у художника В. Максимова «Семейный раздел» или «Приход колдуна на свадьбу». У противоположной стены стояла деревянная кровать, около нее – люлька, подвешенная к потолку.

Засветив коптилку, сели за стол. Сначала она диктовала слова, а потом стала потихоньку напевать, а я ловила мелодию и записывала на нотную бумагу. Набралось двенадцать песен. Рассказала про некоторые гаданья. Например, обхватить колья изгороди: если четное число схватишь, то выйдешь замуж. Повела про свое вдовье, тяжелое житье, про невеселое замужество. Жалко мне ее стало. Поужинали вареной картошкой со свеклой и легли спать.

Вспомнилось мне житье в Фергане. Как у нас было интересно на Новый год! Ставили спектакли, танцевали, пели хором, и я им управляла. Грустно стало на душе! А тут еще ветер нудно выл в трубе. С этими воспоминаниями, под заунывную песню ветра я заснула.

На каникулах много каталась на лыжах по окрестным полям и лесам, ничего не боялась. Стремглав летела с крутых холмов, чувствуя за спиной крылья. Кругом снежные сугробы, леса в белых шубах. Везде красота и торжественность! По вечерам все сверкало и светило огоньками всех оттенков. Воздух чистый, морозный, ароматный! Во всем какая-то необыкновенная нежность и прелесть! Чудо! Заходила в могилецкую «Культуру», играла и два раза выступила на концертах.

Каникулы кончились. Утром мы пошли с папой, он – на работу, а я – в школу, солнышко еще нежилось и не показывалось, но природа уже готовилась к встрече. На бледно-голубом небе вписались вершины высоких елей и сосен в снегу, освященные розовым светом. Березы стояли, как невесты, убранные к венцу, покрытые кружевным инеем и сверкавшие драгоценностями. Изумительная картина, оставшаяся навсегда в памяти!

В школу шла с радостью. Я полюбила ее, полюбила ребят, полюбила учителей. Пришла, еще никого не было, но вскоре стали сходить и съезжаться ученики. Сразу стало шумно. Начались рассказы, расспросы. Делились впечатлениями, говорили, кто где был и что видел. Говорили все сразу, захлебываясь.

После уроков по вечерам у нас происходили интересные занятия. Велись беседы и споры на разные темы: о Петре I, о литературе, о писателях и поэтах, о религии, о любви.

В общежитии педагоги дежурили по очереди. Мы всегда с нетерпением ждали дежурства Елизаветы Иосифовны Аигиной, матери Бориса. Она преподавала нам французский язык. Я с ней играла в четыре руки интересные песни. Пели дуэты с Катей Снедзен. Устраивали танцы, которые она нам показывала, и игры. А то по вечерам, вместе с Елизаветой Иосифовной перед сном ходили гулять, катались с какой-нибудь кручи прямо на спине, валялись в снегу. Тузили друг друга, поднимались, отряхивались и опять валялись. Она нам не препятствовала.

После уроков занимались рукоделием, читали вслух. Я готовила маме подарки ко дню ее рождения. Обвязывала кружочки из материи, сшивала их, и в результате получилась небольшая скатерочка. Сочинила для мамы музыкальную пьесу под названием «Гибель Помпеи». Почему я выбрала такую тему, теперь уж не помню. Двадцать третьего января я поздравила мамочку и все это ей подарила, а она, приехав из Москвы, сообщила мне новость – ее родные пригласили меня в Большой Театр на оперу «Борис Годунов». Я затрепетала от радости. Не могла дождаться желанного дня. Наконец он наступил, и я рано утром умчалась в Москву, предварительно отпросившись с занятий.

VI

Большой театр! Я была поражена! Великолепный дворец весь в золоте и красном плюше. Все богато и величественно. Чудесный, красивый занавес с изображением Аполлона на колеснице, а перед ним и сзади летят музы и ангелочки. С потолка спускалась огромная, сверкающая люстра с хрустальными подвесками. На плафоне – девять муз искусства. Все блестело и искрилось. Я смотрела из своей ложи, как зачарованная, и не могла налюбоваться. Оркестр настраивался, разыгрывался, и даже эта разноголосица мне нравилась. Царила праздничная атмосфера. Нарядная публика медленно растекалась по рядам ярусов и партера, важно рассаживалась на свои места, переговаривалась, раскланивались друг с другом знакомые, все готовились к чему-то необыкновенному – и зрители, и оркестр.

Но вот стал меркнуть свет и наступила тишина. Все замерли в напряженном ожидании. После непродолжительной увертюры, медленно поплыл занавес и глазам открылась сцена – кусочек далекой старины, и я, превратившись в слух и зрение, перестала существовать. Все окружающее ушло от меня.

VII

Клашу постигло большое несчастье. Умер ее отец, Аполлон Елисеевич Ивонин, доктор могилецкой больницы и наш преподаватель анатомии. Смерть! Какое это ужасное слово! Мне еще не приходилось сталкиваться так близко с этим неизбежным явлением природы. Кто-то где-то умирал, про это всегда говорили, но все было где-то. А тут умер человек, только недавно сидевший у нас в классе, говоривший с нами. Кстати, он был очень рассеян, и что бы мы ни плели в ответ на его вопросы, все было правильно. А он смотрел в окно, куда-то вдаль, о чем то думал. И вот теперь лежит бездыханный.

Смерть! Что же это такое? Какое страшное слово, какое ужасное событие! Обыкновенное, неизбежное, но всегда новое и грозное несчастье для близких. Человек уходит, покидает прекрасный и светлый мир навсегда. На-всег-да! Не думала я и не гадала, что через месяц и меня постигнет это страшное, непоправимое горе.

На похороны съехались много крестьян из окрестных деревень. Его все любили. Врач он был хороший. К людям относился сердечно. Отпевали в церкви, потом говорили речи. Сказал прощальное слово Сергей Иванович. Наш поэт Скотников посвятил ему стихи и тоже прочел их над гробом покойного. Много людей плакали, называли его дорогим другом и товарищем. Клашу мы все очень жалели и горевали по Аполлону Елисеевичу.

У Елизаветы Иосифовны получилось какое-то недоразумение с Сергеем Ивановичем, и она уволилась. Нам все это было неприятно и жалко с ней расставаться. Я решила написать серенаду и подарить ей на память. Задумано – сделано. Послала произведение с ее дочкой, учившейся у нас. Серенада всем понравилась, и Елизавета Иосифовна прислала мне письмо в красивом пунцовом конверте, благодарила за подарок, называла меня милой Кокеткой и будущим Моцартом.

Из Сергиева приехала к нам другая преподавательница французского языка, Антонина Григорьевна Малышева, пожилая, симпатичная дама, и все пошло опять своим чередом. С ней тоже было интересно. Когда она дежурила, то читала нам «Ревизора», «Женитьбу», рассказы и повести Гоголя. Читала стихи разных поэтов-классиков. Она привозила оперы «Евгений Онегин» и «Фауст» и играла нам по вечерам. Играла и я свои фантазии на характеры всех девочек, и они точно угадывали, о ком я играю, называли по именам: это Катя, а это – Вера. Всем нравилась моя музыка, а кое-кто даже и плакал. Иногда спускался из своего мезонина и Сергей Иванович послушать, как я играю, и говорил, что параллельно с баловством и неприятностями, я могу доставлять и удовольствие.

Раз как-то в большую перемену мы пилили дрова около школы. Школа, как я уже говорила, помещалась в маленькой дачке, за Талицами, на горе, в березовой роще. Место красивое. С горы видно все шоссе, извиляющееся из Клинников к Талицам, вся деревня Талицы, далекие Чернятки, а над ними – могилецкая колокольня, возвышающаяся над шапкой пушистых сосен. Справа виднелись Клинники.

Пилить нам надоело и мы стали бросать друг в друга снежками. Мальчишки решили пулять с крыши. Моментально залезли туда, и на нас посыпался град снежных мячиков, а мы, девчонки, не растерялись – и за ними. Тут уж снежных комочков нам показалось мало и мы начали сталкивать

мальчишек вниз. Крыша не высока, и они падали в сугроб благополучно, а мы, не дожидаясь, пока нас спихнут, начали прыгать сами, получилась свалка. Паню Тихомирову кто-то толкнул, и от неожиданности, не подготовившись, она упала в сугроб и, очевидно, зашибла ноги, так как встать сама не могла. Ее вытащили и повели в школу, а она плакала и причитала: «Наверное, я зашибла себе пятки, а в них вся нервная система». С тех пор ее и стали называть «нервная система в пятках».

Сергей Иванович первым делом обрушился на меня.

– Это, наверное, Варина затея прыгать с крыши. Такого сорванца я еще не видел. На будущий год подумаю, оставлять тебя в школе или нет.

Прыгать-то я, верно, первая прыгнула, ну а уж в Паниной беде я никак не виновата.

– Вот жаль, что нет сейчас крапивы, а то перепороть бы вас всех как следует за такое баловство, – бушевал Сергей Иванович, – рады головы себе свернуть!

Поругал, покричал, и тем и дело кончилось. Меня он часто пробирал, а когда я его уж очень доведу своим баловством, шумел: «Уходи с глаз долой, иди пилить дрова. Как мне надоело твое баловство!» Я молча одевалась, шла в сарай и пилила с азартом, без передыху, а Сергей Иванович через некоторое время приходил и, забывая свой гнев, ставил меня в пример, называя неутомимой труженицей.

VIII

Учеба шла своим чередом. Понемногу готовили «Женитьбу» Гоголя, роли которой распределили еще в начале учебного года. Я получила роль Агафьи Тихоновны, Леонид – Подколесина, он и по характеру подходил к этой роли – такой же нерешительный и стеснительный; Пани Тихомировой дали роль свахи, Борису Аигину – Кочкарева, Пете Хлопинскому – Яичницу и так далее.

Наступил март. Повевяла весной. Забурлила кровь. Захотелось чего-то необыкновенного, неизведанного, куда-то тянуло. Погода стояла хрустальная. Ярко-голубое небо, ласковое солнце, прозрачный воздух, переполненный весенним, пьянящим ароматом.

Выучив уроки, мы сейчас же мчались гулять. Бегали по насту в лес. Катались кубарем с холмов и гор. Вечером было особенно хорошо. Светила луна. Лес, засыпая, что-то шептал невнятное, что-то видел во сне и пугался, внезапно зашелестев от нашего смеха и криков. Все казалось живым, сказочно прекрасным. На душе было светло и радостно.

Леонид мне нравился все больше и от меня не отходил, часто оставался в общежитии, ходил с нами гулять, а когда его не было, мне становилось грустно и чего-то недоставало.

Я часто уходила домой, так как мама иногда уезжала в Москву. Встреча с моим маленьким братцем Сашенькой всегда была радостной. Он стал хорошеньким мальчиком, ему исполнилось восемь месяцев. По воскресеньям я ездила на лыжах по окрестным деревням в поисках для него молока. Уходила в школу с грустью, не хотелось с ним расставаться. Няничлась с Сашей главным образом десятилетняя сестра, поэтому учиться ей не пришлось, от чего на душе было тяжело и до боли ее жалко.

Вот и в этот раз зашла в Москвотоп за папой, чтоб идти с ним домой. Он опять работал там. Но мне сказали, что папа заболел и его отвезли на санях домой. Я перепугалась. Побежала скорей в Могильцы.

Папе действительно было плохо. Установили, что у него крупозное воспаление легких. Проболел он неделю и 21-го марта 1922 года скончался. На один месяц он пережил Аполлона Елисеевича. Если б тот был жив, то, верю, спас бы папу.

Папа умер в десять часов вечера. Поднялся у нас плач. В эту ночь мама с ребятами ушла к тете Анюте, вернее ее увели. Я ни за что не хотела уходить и осталась одна с папой. Хотелось подольше побыть с ним и навсегда попрощаться.

Папу похоронили. Помог Москвотоп. Мы осиротели, а мама осталась вдовой в тридцать семь лет с пятерыми ребятами на руках. Ни с кем она свою жизнь больше не связала. Вся была полна забот, как бы нас прокормить и вырастить.

К этому времени мы опять очутились все вместе. Женю я привезла из Ельдигина к папиным похоронам. Он так и остался дома и на лето устроился подпаском к могилецкому пастуху. Приехал Сережа из сергиевского детдома, а вернуться туда наотрез отказался. Но потом все же пришлось устроить его в Хотьково опять в детдом, куда он поехал с большой неохотой, но другого выхода не было.

Какая тяжесть легла на душу! Я еще хорошенько не осознала, не прочувствовала, что произошло. По ночам тосковала по папе, плакала. Не хотелось показывать горе на людях. Научилась скрывать настоящее свое настроение. Научилась держать себя в руках, как бы тяжело мне ни было.

IX

Учиться я пока продолжала. Школа отвлекала от горьких мыслей. Шли репетиции «Женитьбы», сцены «В келье Чудова монастыря». Старца играл Леонид, а Гришку Отрепьева – Ося Чулков. Эта сцена шла у них прекрасно.

Весна приближалась быстро. Кружилась голова от весеннего воздуха. Охватывало какое-то непонятное волнение. Молодость брала свое. Хотелось сотворить что-то невысказанное, куда-то тянуло. То наплывала грусть, а то находило необузданное озорство, и я носилась по общежитию, дралась с ребятами и выводила из терпения Сергея Ивановича.

Леонид нравился и Кате Снедзен. Когда душа моя пребывала еще в покое, я служила между ними посредником и передавала их записки, за что Вера меня пробирала. Я прекратила. Катя нашла другой способ, но Леонид, по-видимому, тяготился этим.

И вот однажды он принес мне книгу «Война и мир», которую я у него просила, и сказал: «Посмотри на сто одиннадцатой странице». Придя в общежитие я нашла в книге записку, адресованную Кате, но незапечатанную. Прочитала: «Катя, больше не пиши мне и оставь меня в покое». Послание передала. Катюша страшно переживала такой удар. Грустила, часто плакала. Назревала трагедия. Я чувствовала себя не ладно.

Я скрывала интерес к Леониду, и не моя вина, если он переменялся к Кате. Но она все поняла и между нами возникла преграда. Леонид после потихоньку спросил у меня: «Ты прочла? Поняла почему?» Я ничего не ответила, но сердце сладко замерло.

А сомнения все же волновали мою душу. Леонид то совсем ко мне не подходил, то глаз не сводил и старался быть рядом во всех наших прогулках и поездках в экскурсии, то просил меня пришить оторванную пуговицу к чему-нибудь, то пошить за него на уроке рукоделия, где занимались и мальчики. И вот я не выдержала и решила написать Леониду о своей любви. Улучив минутку, когда вблизи никого не было, я со смущенным видом передала ему записку и убежала. Тут же краска стыда залила не только лицо, но и шею. Что я наделала?! А вдруг он покажет записку мальчишкам, и они вместе с ним будут смеяться надо мной! Что я натворила?! Но ведь Татьяна тоже первая написала Онегину! Елена тоже первая сказала Инсарову!

В этот вечер, беспокойная и удрученная, я ушла домой и все рассказала маме. Она не одобрила моего поступка и сказала, что девушка должна иметь гордость и уважение к себе. Я совсем поникла. Но решила – будь что будет! Первая сказала, первая заставлю себя и разлюбить, если не ответит.

Поделилась с подружками, только не с Катей. Пяня похвалила за прямоту. Вера тоже была на моей стороне. Сима Фомина превозносила за смелость. Только мамулька осудила да Елизавета Иосифовна почему-то пробрала, когда я к ней зашла. Сказала, что рано вы там стали любовью заниматься, причем тут же созналась, что, когда ей было шестнадцать лет, она тоже полюбила. Неужели Леонид кому-нибудь сказал?

Однажды Василий Павлович, агроном, преподававший нам ботанику и зоологию, сказал: – Вот что, ребята, чем сидеть в душном классе, идите-ка на волю, в лес и соберите молоденькие растения, которые уже появились. Это будет полезней и для знаний, и для здоровья.

Мы обрадовались. Тут же взвились со своих лавок и через секунду уже неслись к лесу.

Шел молодой, синеглазый май. Все распускалось. Все сияло нежной зеленью. В чистом воздухе разливались запахи юной травки, сыроватой земли, шелестевших березок. От солнца плыло тепло... Лес звенел на все лады. Так было хорошо!

Мы, конечно, сначала набегались вволю в догонялки, немного повозились, подрались, а затем стали искать и собирать травку. Цветов еще не было, только мать-и-мачеха: нежненькие, желтенькие, похожие на солнце. Нарвав их, собрались домой. Я видела, что Леониду хотелось ко мне подойти, но он смущался. Наконец отстал от ребят и пошел в мою сторону. Сердце заколотилось. Неужели решился что-то сказать? Леонид подошел, протянул руку. Мне показалось, что с желтеньким цветком, и я отвернулась.

– Да нет, не то, – прошептал Леонид и отдал мне записку.

Я понеслась в общежитие. Хотелось продлить блаженную минуту и прочесть одной, чтоб никто не мешал и не знал. Влетела в девичью и, запыхавшись, прочла: «Милая, неужели не видишь, что люблю тебя?» Что со мной тут было! Я завертелась на одной ноге. Я готова была подпрыгнуть до потолка, да я и начала перепрыгивать через кровати девчонок. Вошла Паня. – Ты с ума сошла? Что с тобой? Что ты творишь? Услышит Сергей Иванович и опять тебе влетит.

Но я продолжала бесноваться. Весь мир для меня перевернулся. Я любима и люблю!

Вечером у меня поднялась температура. Я горела, как в огне. Пришли Сергей Иванович и Варвара Семеновна. Забеспокоились. Положили на голову мокрое полотенце. Сергей Иванович стал расспрашивать у девочек, где я была, что делала. Паня не удержалась и рассказала о моем недавнем буйстве, потихоньку от меня. Я только расслышала слова Сергея Ивановича: «Ах, Варя, Варя, что мне делать с этим сорванцом! Подождем до утра».

Катино сердечко почуяло недоброе. Она подошла к моей постели:

– Да? – тихо спросила она.

– Да, – так же тихо ответила я.

На другой день я встала, как ни в чем не бывало. Только вокруг все было розово. Очевидно, счастье сквозило во всей моей фигуре. Даже Сергей Иванович удивился:

– Варя, что с тобой? Ты вся светишься!

Х

Однажды Елизавета Иосифовна Аигина позвала меня к себе, и после уроков я пошла с Леонидом и Борисом к ним домой. Родная картина открылась перед нами. Березовый лес, покрытый молодой зеленью, стоял тихо, словно боясь, что если он пошевелится хоть одним листочком, то очарование исчезнет. Сквозь зелень виднелись вдаль, на горе дома Аигиных, окруженные темными елями. Чуть пониже на зеленой луговине расположились крестьянские избы, около которых копошились разноцветные фигурки ребят и взрослых.

Через голубую Талицу перекинулся небольшой деревянный мостик, по которому желтой лентой протянулось Ярославское шоссе, взвиваясь на гору, уходя в сиреневую даль, к старинному Рахманову, а по сторонам толпились холмы, покрытые свежей, душистой травой, а за ними синел дальний лес. Теплая тишина нарушалась мычанием коров, блеяньем овец да людским говором – неброская красота русской природы, полная тихой прелести!

Болтая о своих школьных делах, мы подошли к аигинским домам. Зайдя к Елизавете Иосифовне, узнала, что она дарит нам маленькую серенькую козочку. Я была растрогана, и сердечно поблагодарив, собралась домой. Попросила Леонида проводить меня, а то идти надо лесом и надвигались сумерки. Но он не пошел, очевидно боялся, как бы дома не узнали о его чувстве ко мне. Стало обидно, и я, как Эсмеральда, отправилась одна со своей козочкой, прыгая с кочки на кочку.

Опять в душе зародились сомнения. Опять решила, что он меня не любит. Опять начались мучения. Загрустила. А вечер, как назло, был так прекрасен! На востоке небо уже синело, а выше – розовело, и на этом розовом, как на атласной подушке, лежала полная луна, круглая, как лепешка. На западе горело желтое небо, а по нему, всевозможных фиолетовых оттенков, медленно проплывали причудливые облака. Кое-где уже сверкали своим чистым, загадочным блеском маленькие звездочки. Было тепло, торжественно и тихо. Дойдя до «выставки», я уселась на пенек и предалась своим невеселым размышлениям, а козочка улеглась у моих ног. Она устала, все-таки путь-то был в четыре километра.

Зачем я полюбила? Любовь – это одно мученье. Но решила – чему быть, тому не миновать. Буду любить, пока любитесь, петь, пока поется, и жить, пока живется. Успокоив себя пословицами и изречениями, я помчалась домой обрадовать мамусю подарком.

В Талицах, в конце деревни, в красивом помещичьем доме сначала помещался Москвотоп, а потом талицкий Дом культуры. Так вот если пройти мимо этого дома в сторону Сергиева с четверть километра по Ярославскому шоссе, то на этой же стороне находилась древняя пещера, вросшая в высокий холм, покрытый лесом. В ней, по преданию, жил какой-то святой.

Сергей Иванович строго-настрого запретил нам туда ходить. Но любопытство не давало покоя, и вот однажды сговорились несколько человек идти туда тайно. Захватили с собой спички и заранее приготовленные факелы – свернутую бересту, надетую на палки. Дело в том, что в этой пещере был лабиринт.

Вошли в низенькое отверстие без дверей и очутились в густом сером полумраке. Когда глаза немного привыкли, разглядели полуовальную площадку. Прямо в стене – ниша с каменной лавкой, на ней – тяжелые вериги из крупных железных колец, а над лавкой – деревянное распятие. Налево и направо – входы в лабиринт. Мальчишки хотели было нарядиться в вериги, но насилу подняли их втроем. Так и оставили эту затею.

Разделились на две группы и потянулись в проходы. Я и Клаша оказались вместе. С нами шел Петя Хлопинский и еще кто-то из мальчишек. В третьей группе – Леонид, Паня, Миша Виноградов и Коля Попов.

Прошли четыре шага, проход повернул направо, сразу наступила темнотища, хоть глаз выколи. Запахло сыростью. Голосов той группы не было слышно. Хватились спичек – оказалось, они остались у Леонида, разделили только факелы, а про спички забыли. Решили идти вслепую, на ощупь.

Стены были мокрые, скользкие, кое-где паутина. Прошли еще немного, коридор повернул налево. Затем подошли к развилке, нащупали два прохода. Решили пойти по левому. Шли, держась друг за друга, иногда ударяясь головами о низкий потолок, сырой и сыпучий. Стало страшновато – вдруг заблудимся и не выйдем! Тут раздался крик: « Ай! » и мы заорали со страха, но тут же выяснилось, что это столкнулись лбами Леонид с Петей. Оказывается Леонид уронил спички, когда собирался зажечь факел и не нашел их. Они тоже решили идти вслепую. Посмеялись, побалагурили всласть и повернули назад по нашему пути и с грехом пополам выбрались наружу, один раз заблудившись. Все вымазались, в волосах оказалось много песка и паутины. Теперь этой пещеры не существует, ее срыли и на этом месте высятся современные дома.

Все дальше и дальше уходит от нас древняя Русь, а тогда она была совсем рядом. Пещеры седой старины, лабиринты, часовенки. По деревьям хранились вещи еще с петровских времен. В селе Софрино, около церкви стоял когда-то дворец Петра I. Его разобрали, и вещи из этого дворца разбрелись по крестьянским избам.

Учиться оставалось немного. Приближались летние каникулы. Надвигалась разлука со школьными друзьями, может быть на лето, а может быть и навсегда. Становилось грустно!

Мы, то есть я, Леонид, Паня и Ося Чулков, поклонник Пани, решили собраться в воскресенье и пойти гулять в лес. Договорились, что мы с Леонидом встретимся у часовни и пойдем к Пане в Щеглово. Это три километра от часовни. Оттуда вместе с ней направимся к Никольскому, где на полдороги, у обрыва, под старой березой, нас будет ждать Ося. Это еще три километра.

В воскресенье к двенадцати часам я побежала к Боголюбской часовне в Родионках. От Могилец – три с лишним километра. Самой деревни Родионки давно-давно не существовало. Сохранилось лишь предание, что эта деревенька вымерла то ли от холеры, то ли от чумы и в память этого печального события и была построена боголюбская часовня, кем и когда – неизвестно. Эта старенькая, древняя, кирпичная, равносторонняя часовенка, без окон, с одной только железной дверью, покрытой когда-то зеленой красной, а теперь облупившейся, с огромным висячим замком на ней, стояла на высокой горе, скрываясь в зарослях душистой черемухи, а внизу бежала речка Талица, красиво извиваясь в зеленых берегах, пронося свои воды мимо огромных ив, почтительно склонивших свои ветви к прозрачной журчащей воде и шептавших ей на дорогу ласковые напутствия.

Неделю спустя сделала акварельный этюдик с этой часовни, а года через три кому-то понадобилось сломать ее, и только у меня осталось изображение древнего памятника, так мне пригодившееся для картины, которую я написала много лет спустя для историко-краеведческого музея, организованного в Софрино.

Прибежала, запыхавшись, в белом платье, с цветами в волосах. Леонида не было. Черемуха пышно распустилась и благоухала на всю вселенную. Кругом белело от нее белым-бело! Чистый воздух, чистая зелень, могучий лес кругом и аромат черемухи, диво-дивное! До сих пор люблю этот благоуханный, нежный цветок, всегда напоминающий мне мою юность, мою первую любовь, такую же чистую, как эта ароматная черемуха.

Внизу, по ту сторону речки, вилась тропинка в горку, к Аигиным, скрываясь в березовой роще.

Я сидела на пенке, около часовни и любовалась прелестью природы. Все было полно очарования. Неужели Леонид не придет? Долго, долго ждала, не сводя глаз с тропинки и не заметила, как кругом собрались тучи. Сначала пошел, а потом полил, как из ведра дождь, и я бросилась бежать домой. Вымокла до нитки. Поделилась с мамой своей неудачей. Мамуся сказала,

чтоб я все же не ходила на эти свидания, а то, не дай Бог, узнает мать Леонида и могут возникнуть неприятности.

На другой день, придя в школу прямо на урок, я заметила, что Леонид на меня не смотрит, делает вид, что меня вообще не существует. Паня со мной не разговаривает. На перемене Ося тоже сухо поздоровался. Очевидно, вид у меня был удивленный, с большими вопрошающими глазами, потому что Паня все же подошла и спросила:

– Почему вы не пришли с Леонидом?

– Я его долго ждала в Родионках, до самого дождя, домой прибежала, вымокнув насквозь. Мои слова услышал Леонид:

– Я ждал тебя у талицкой часовни и тоже вымок весь, за что и получил дома нагоняй.

Тут и Оська подошел с вопросом, а Паня уже хохотала во все горло.

– Вот дураки-то, каждый ждал в своем углу!

– Зачем тебя к талицкой-то понесло? – спросила я у Леонида.

Дело в том, что в конце деревни Талицы тоже стояла часовня и почему-то Леониду взбрело в голову идти туда, хотя это было в противоположную сторону от Щеглова и гораздо дальше, чем Родионки...

Хохотали все над своей неудачей. Обиды долгой! Все долго ждали, все вымокли и все пришли домой расстроенные и все решили друг с другом не разговаривать.

XI

Занятия в школе заканчивались спектаклем «Женитьба». Этого события мы ждали с трепетом. За два дня до представления Сергей Иванович с Леонидом ездили в Москву за костюмами. Леня потом рассказывал про красивый дом, где они брали костюмы: в нем, оказывается, жил знаменитый художник Поленов. Мне привезли два платья – сиреневое, пышное, и подвенечное, белое, с фатой и цветами. Я взлетела на седьмое небо от счастья.

Наступило 25 мая. Утром провели репетицию в костюмах. Но что-то не ладилось, действие шло вяло, мы расстроились, и нас отпустили отдохнуть.

Вечером пришли в талицкий Дом культуры, начали одеваться, причесываться. Настроение поднялось, заволновались: как-то все пройдет! Гримировал нас Сергей Иванович. Я получилась очень красивая. С нетерпением ждали начала. От волнения не находили себе места.

Но вот отзвучал последний звонок. Зал утихомирился. Леонид вышел на сцену и разлегся на диване с длинной трубкой. Потянулся занавес, и действие началось.

Спектакль прошел замечательно. Я жила в своей роли, позабыв, что я только девчонка, ученица. Воображение дополнило недостающее на сцене, и я превратилась в Агафью Тихоновну на самом деле.

Когда закончился спектакль и прозвучали последние слова, потащился занавес, закрыл сцену, мне стало как-то странно, неужели я больше не Агафья Тихоновна? Как будто все было во сне и я только что проснулась, вернулась из какой-то другой страны. Стало грустно, несмотря на громкие аплодисменты, которыми нас награждали зрители. Нам с Леонидом поднесли по букету цветов, мне – Антонина Григорьевна. Я засушила две купавки и мышиный горошек из этого букета, и сейчас, когда пишу эти строки, засушенный маленький букетик, пятидесятилетней давности, еще сохранивший тонкий неясный аромат тех далеких дней, лежит передо мной как свидетель моего успеха. Он слышал аплодисменты и комплименты, сказанные в мой адрес: «Как богато одарила вас природа! Еще один талант обнаружился – драматический!»

Счастью не было границ. Мама тоже присутствовала на спектакле. После окончания они с тетей Анютой пошли в Могильцы, а я осталась на вечеринку и ночевала в общежитии. Леонид передал мне записку: «Неужели все лето не увидимся? Может быть, придешь к часовне в воскресенье? Слов нет, я была согласна. Насилу дождалась этого дня. Все боялась: вдруг опять дождь и сорвется наше свидание уж в который раз.

Наступило воскресенье. Я волновалась. По небу ходили подозрительные тучи и облака. В полдень помчалась в Родионки только парком, а не по деревне, чтоб не попасть кому-либо на глаза. Конечно, прискакала первая, спряталась в черемухе, чтоб оттуда вести наблюдение за тропинкой. Вдруг показался Леонид. По сучку перебрался через речку, и мы очутились вместе. Смущенно поздоровались. Как-то было сначала неловко оказаться с глазу на глаз, без окружения ребят, но потом обошлось и мы пошли бродить по лесу, на приличном расстоянии друг от друга.

Леонид собирал мне ландыши – этот необыкновенный дар природы, «чистейший прелести чистейший образец». Недаром их так любил Чайковский. Какие только воспоминания не приходят в голову, когда смотришь на этот милый цветок, на эти беленькие, чудесной формы чашечки с чарующим запахом. Собирал для меня Леонид и купавки, эти золотые кругленькие головки, умильно смотревшие и как бы просившие: «Сорви меня!»

Долго бродили с ним по лесу с большими букетами цветов, счастливые, юные, дышали полной грудью чудесным воздухом и лесным ароматом. Кругом так было волшебю. Говорили о литературе, о музыке, о наших ребятах, о прошедшем спектакле. Залезли в болото, промокли, выбрались из него и опять бродили. Зашли в молоденький лесок-кустарничек, росший вдоль дороги в Могильцы. Тут Леонид немного осмелел и решил приблизиться ко мне.
– Как хорошо тут, никого нет, – сказал он, и вдруг из-за кустов высунулась голова в белом платке.
– Молодые люди, не видели здесь моего теленочка? Я вас тут давно вижу, – спросила она.
– Вот тебе и одни, – сказал смущенно Леня, и так показалось смешно, что мы долго веселились по этому поводу.

Наконец расстались, договорившись писать друг другу, а записочки прятать за крест Боголюбской часовни и затыкать букетиком цветов.

Нет давно Леонида, трагически закончившего свою неудачную жизнь, а его записочки, букетики, любовно мною засушенные, я берегу до сих пор, и глядя на них, моя бедная юность, полная светлых, но несбывшихся надежд, встает передо мной во всей своей свежести, как будто это было только вчера. Вижу все и всех до мельчайших подробностей, и тихая грусть наполняет сердце, грусть о невозвратном, о навсегда ушедших беззаботных, молодых, озорных годах.

ХII

Катя Снедзен пригласила нас, девочек, в Мураново, где она жила. Ее семья собиралась уезжать в Литву, и мы решили на прощанье провести время вместе. За мной зашли Сима Фомина из Фомкина и Вера Парусникова, решившая увести меня в Алешино из Муранова. Доехали до Ашукинской, прошли деревню и пошли красивым шишкинским лесом, разговаривая о литературе, о любви, о своих мечтах.

В Муранове сходили в музей. Приятная и интеллигентная дама рассказала нам историю дома, все показала и объяснила. Как мне здесь понравилось! Старинная мебель. На стенах много портретов интересных и знаменитых людей. Сколько всяких мелких вещиц, книг, старинных нот, реликвий, красивых вышивок! От всего веяло тихой, мирной жизнью. Казалось, что хозяева ушли гулять в парк, расположенный сзади дома, поэтичный и таинственный, и вот-вот вернутся обратно. Все осталось так, как при них. Думалось – неужели мы ходим по тем самым комнатам, где когда-то жили, работали Баратынский, Тютчев, Аксаков, Гоголь!

Перед музеем был пруд, по которому мы катались на плоту. Пока на нем были мы с Катей, все шло хорошо. Но вот на плот прыгнул Санников, учившийся у нас в школе и живший в Муранове. Плот стал тонуть, а тут еще Катя с ним подралась и, не доехав до берега, мы попрыгали в воду. Вымокли, но скоро обсохли, бегая на солнышке.

Накупавшись, набаловавшись, наскакавшись, отправились бродить по старому парку, который много видел, много слышал, но молчал, храня тайну. Только листья на древних липах о чем-то шуршали, не решаясь поведать о минувших днях и годах. Мы как-то притихли, посерьезнели на некоторое время. Стали вспоминать стихи Тютчева, которым тогда увлекались:

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! –
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..
Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвеваает нас!..

и так далее, или:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,

Грохочет в небе голубом.

Пели в лесу во все горло:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы...»

И мы чувствовали себя этими гонцами и носились по парку, не зная, куда деть свою энергию, что бы такое сотворить. Катюшка продекламовала:

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
Иль рано ль, поздно ль пробуждение,
А должен наконец проснуться человек...

Мне показалось, что она нарочно прочла это стихотворенье, чтоб зародить в моей душе неприятное подозрение, что чувству Леонида ко мне когда-нибудь наступит конец. Стало не по себе, захотелось видеть Леонида, узнать: правда ль это?

Вера поняла мое состояние и ответила:

– У Тютчева есть и другие стихи:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и негненная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

А мне вдруг пришло в голову четверостишие Тютчева:

Когда осьмнадцать лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, –
С любовью, с тихим умиленьем
И их и нас ты помяни...

Все это оправдалось, все случилось, все стало сновиденьем, далеким, чудным, незабываемым. Так декламируя, беседуя, нагулявшись, набегавшись, напевшись, мы собрались домой.

В Софрине меня встретила мама, забрала подаренных Катей кроликов, а я с Верой поехала до Спасской, где нас ждала лошадь с телегой. Удобно устроившись на мягком сене, тронулись не спеша в Алешино. Дорога вилась среди замечательного леса. Проезжали мимо уютных купочек деревьев, глаз не оторвешь. Собрались тучи. Стал накрапывать мелкий дождик. Лошадь еле плелась и двенадцать километров мы тащились часа три.

Вера родилась в семье священника. Она была последним ребенком. Родители ее были уже преклонного возраста. Они мне понравились. Это – интеллигентная, патриархальная семья, и тем не менее никакой тут религиозности не чувствовалось. Матушка зверски курила. Закручивала огромную козью ножку из газеты, набивала ее махоркой и чадила весь день. С утра она готовила обед и всегда пересаливала, поэтому батюшка, сидя за столом, каждый раз иронически замечал: – Опять не посолили, матушка! – Ох, забыла, батюшка, – отвечала она басом и таким трагическим тоном, что невозможно было удержаться от смеха.

Однажды она готовила обед в русской печке. В правой руке – кочерга, которой она хотела пододвинуть поближе к краю большой котел с супом, а левой держала козью ножку и курила. Вдруг котел покачнулся и опрокинулся, залив горячие угли.

– Ох-ти мне, батюшки, что случилось-то! – закричала она срывающимся голосом. Прибежал на шум батюшка, понял в чем дело, спокойно, но с легким укором сказал:

– Все курите, матушка!

Котел подняли, долили водички, подложили дровец, и беда была исправлена.

В это время у них гостила одна круглолицая девчушка лет четырех, большая чаевница. Как-то вечером мы пили чай, а ее перед этим вымыли и она сидела, повязанная ситцевым платком. Рожца румяная, блестящая, чистенькая, круглые, голубые, озорные глазенки. Она откусывала маленькие кусочки сахара и хлебала чай.

– Матуск, я, как батюска пью цяй, – сказала она, держа блюдечко одной рукой на растопыренных пальчиках.

– Да-а, – протянула матушка, – как батюшка, только борода сгорела.

– Матуск, мне ессе цясичку!

– А не хватит с тебя? На ночь ведь!

– Ну-у, ессе, немноско, – клянчила девчушка.

– Ну ладно, только когда будешь спать ложиться, надень калоши, – пошутила матушка.

Девочка допила чай и ушла спать. Немного погодя, матушка пошла проверить. Вдруг слышим приглушенный смех и голос матушки:

– Девки, идите сюда, смотрите!

Мы подошли и увидели – лежит эта «Аленушка» в постели и спит, а ножонки торчат из-под одеяла и на них висят чьи-то большие калоши. Мы так и покатались со смеху.

Все мне в Алешине нравилось – и сама деревенька, и небольшая церковка. Так и казалось, что картину «Грачи прилетели» Саврасов писал именно здесь.

На следующий год, когда мы были в восьмом классе, я тоже приезжала в Алешино. Прочла там всего Тургенева. Сильное впечатление произвело на меня «Дворянское гнездо». Особенно был понятен музыкант Лемм. Его одержимость, его страстное желание написать прекрасную музыку, излить в ней свою, не менее прекрасную душу так меня захватили, что тоже захотелось написать оперу «Дворянское гнездо» и я немедленно взялась сочинять либретто, посвятив в свои замыслы Шуру. Но и из этого благородного порыва ничего не получилось.

С Верушей мы много говорили о литературе, читали вместе, показывали дневники друг другу, делились сокровенными мечтами и вообще жили душа в душу. Остался в памяти стоявший в гостинной в кадке на полу большой аспарегус. На ночь его опрыскивали водой, а в окно смотрела луна, отражаясь тысячами лун в малюсеньких капельках, застрявших в тончайшей его зелени. Пребывание в Алешине навсегда осталось светлым воспоминанием в моей жизни.

XIV

Приехав в Могильцы, рассказала мамусе о житье-бытье в Алешине, поперделала кое-какие дела по немудреному нашему хозяйству и помчалась к Боголюбской часовне. Там лежала записочка с букетиком и с просьбой увидеться. Тут же был дан ответ с указанием дня и времени свидания.

И вот опять вместе. Опять бродили по лесу. Так же велись нескончаемые, на всевозможные темы, разговоры, просто, по-дружески. Сказал, что скучает без меня, что хотелось бы быть всегда вместе. Собирал букеты полевых цветов, а я плела венки, переполненная счастьем, и чувствовала, что люблю Леонида все больше.

Летом я много работала. Кому помогала на деревне сено ворошить и убирать, кому – жать рожь и овес, кому – окучивать, а осенью – копать картошку. За это платили натурой, и я немного обеспечила маму с ребятами на зиму, а это давало надежду на продолжение учебы в школе.

Всю жизнь я боялась и боюсь пауков. Страшнее зверя для меня нет. И тем не менее у себя в сарае я не трогала одного огромного, страшного паучищу, свившего в углу обширную паутину. Ноги мохнатые, задняя часть крупная, круглая, в черных и желтых крапинках, противная. Весь он был чуть больше медного пятака. Я не могла смотреть на него без содрогания. Но это был барометр. На деревне меня крестьяне всегда спрашивали: «Варюшка, где твой паук сидит, посмотри. Можно разбрасывать завтра сено на досушку из копен али нет?» И я летела в сарай. На паутину падал луч света через малюсенькое оконце, прорубленное в бревнах стены. Если паук сидел в середине паутины, то жди ненастья, если на краю – ненастьем конец. А если его вообще не было, то уж ведро обеспечено.

Однажды Паня Тихомирова позвала идти на богомолье в Бирлюковскую пустынь на престольный праздник. Путь в сорок километров. Новизна предприятия заинтриговала, и я отпросилась у мамы.

В субботу, семнадцатого июня, в пять часов утра мы вышли – три молодухи и три древние старухи с клюками. На дорогу мама дала четыре картошки, печеные в золе, но... «мне минуло шестнадцать лет», надеялась на шавель, на подножий корм и вообще об еде не думалось. Манила неизвестность и новые впечатления.

Дорога вилась полями и лесами, мимо деревень, больших и маленьких. Прошли Печки, длинную деревню Лепешки. Красота всюду неопишная. То тянулся ельник, его сменяли березки. Стлалось необозримое поле спящей ржи, и далеко, далеко синели леса. То пересекали путь речушки с мостиками из двух жердочек, то брели мы цветущими лугами, где порхали неумные бабочки всевозможных окрасок. Пели жаворонки, а кругом простор, простор и ширь необъятные!

День был хороший, жаркий, на небе ни облачка! Отряд наш часто отдыхал. Кое-где угощали молоком, как «калик перехожих».

Мы, девчонки, шутили, смеялись, а старухи на нас ворчали: «Идетя Богу молиться, а сами веселитесь, будто на свадьбе». Мы понемногу, огрызались и продолжали свое.

Пришли в пустынь поздно вечером, но еще было светло. Место изумительное по красоте. На высокой горе стоит колокольня, а внизу – пруд темный, таинственный, русалочий и через него мост. Величественный монастырь возвышается как неприступная крепость среди высоких деревьев.

Долго мы искали, где остановиться, все было занято и полно народу. Наконец нашли какой-то свинарник. Пустили в него. Метра четыре там было квадратных, не больше, это на шесть человек. Хотелось растянуться где попало от усталости, но нам с Паней достался малюсенький ящик, на котором поместились, сложившись вчетверо.

Разбудили в пять часов утра к ранней обедне. Народищу! Но мы все же протиснулись в церковь – и скорей на колени, да еще лбами уперлись в пол, решили таким образом доспать, потому что за ночь совсем не отдохнули. Но не тут-то было! Противные старухи поднимали нас, тыкая сзади палками. Мы отвечали, что молимся.

– Нас не проведетя, молятся они! Ишь, разленились, коровы!
Так и не дали покоя эти злоешие старухи.

Нам, молодухам, понравился дьякон. Брюнет, с коротко остриженными волосами, с выбритыми щеками и аккуратно подстриженной, черной небольшой бородкой, с голубыми глазами, пунцовыми губами, стройный, изящный, неотразимый покоритель женских сердец. Но главное – его голос! Бас звучный, бархатный, мягкий, приятный до одурения, разливался волной по всему храму, заполняя каждую щелочку.

Обедня длилась до двух часов. Мы очень устали. Старухи шептали: «В последний раз помолитесь Троеручице...», а мы: «В последний раз взглянуть на дьякона!» С тем и вышли из церкви. Несмотря на усталость, нас, девчонок, потащила нелегкая на колокольню. Какой же вид открылся перед нами! Виднелись деревеньки тут и там, необозримые поля, луга, вились речки, а вдаль темнели леса. О, Русь моя! Сколько в тебе прелести и сколько в этой прелести какой-то тихой невысказанной грусти, скромной, благородной красоты и нежности! Далеко, далеко на горизонте белела могилецкая колокольня. Ой, сколько нам еще идти!

Домой пошли в самую жару, в самое пекло. Сразу, как отошли от пустыни, началось поле. Дорога поплелась с одного холма на другой и привела нас к речке. Старухи пошли через мост и, взобравшись на горку, скрылись из виду, а мы решили освежиться.

Искупавшись и уже натягивая на себя кофточка, вдруг услышали крики наших бабушек. Вообразив, что на них кто-то напал, мы с отчаянным визгом бросились через мост за ними. Взлетели на гору. Видим – идут два мужика и удивленно глядят то на нас, то, оборачиваясь, на старух. Оказывается, что, повстречав их, старушки решили криком предупредить нас, чтоб мы успели вовремя одеться. А мы заорали, чтоб напугать врагов, в случае если б на них напали. Удивленные и ничего, не понявшие дядьки только проговорили: «Ну, совсем замолились!» – и прошли мимо. Долго мы веселились, вспоминая приключение.

Старушки наши, успокоившись, вели такие разговоры: «Вот так рожь-то-матушка полегла, это ведь ее громом-батюшкой так пришибло» или «Земля-то-матушка вся напиталась дождем-батюшкой». Мы с Паней вели философские разговоры, спорили насчет религий. Я говорила, что вера человеку необходима, не обязательно в Бога. Человек должен верить в себя, в людей, в то дело, которое он начал, в добро, в светлое будущее и т.д.

Обратно идти было куда тяжелее. Палило солнце. Устали еще со вчерашнего дня. Запасы были съедены. На полпути одна старушка как-то исказилась на левый бок и не могла идти дальше. Оставили ее в одной деревне у крестьянки отлежаться.

Пришли к себе две другие старушки. Скоро и Паня со своей односельчанкой остались у себя в Щеглово, а мне еще до Могилец оставалось идти шесть километров. Идти надо было и полем, и лесом. Шагал двенадцатый час ночи. Парило. Собиралась гроза. Я не шла, а летела лесом, напрямки, по крапиве, спотыкаясь, цеплялась за сучья, выкарабкиваясь из канав и болот. А то сучья за меня цеплялись, пытаюсь разорвать одежду.

А соловьи заливались!!! На разные голоса! Выводили необыкновенные рулады и трели. Никогда в жизни я больше не слыхала такого пенья и такого количества соловьев! Это было что-то божественное! Хотелось остановиться и слушать, слушать, затаив дыхание, это чудо природы. Но было страшно одной в лесу, да еще в полночь.

Над землей волнами плыли разные запахи, то пахло водичкой, болотными цветами, то мятой, то несся пряный запах какой-то травы, то разливался аромат молодых березок, то пахло фиалкой. То вдруг обдавало прохладной струей воздуха, то откуда-то наплывала волна теплого пахучего эфира. От тучи становилось темно. Вдали глухо, как бы нехотя, погромыхивал гром, сверкали молнии. Становилось страшновато! Я неслась и ног под собой не чувала. А вокруг стояла какая-то величественность, какое-то великолепие! Все ожидало какого-то необыкновенного события. Природа просила дождя в ароматном томлении, в великом нетерпении, а гром раскатывался еще где-то далеко, не торопясь. Словно дразня свою возлюбленную.

В душе прозвучал романс: «Стало душно во тьме, надвигалась гроза».

Вырвавшись из леса, побежали полем. Вдали уже темнел парк и Могильцы. На деревне меня встретил собачий лай. Кое-где еще сидели у калиток девчата.

– Откуда, Варюшка? Не с богомолья?

– Оттуда.

– Ну, беги, а то мать, небось, беспокоится.

На деревне все известно, ничего не утаится: кто куда пошел, зачем поехал, что сказал.

XV

Прочла «Вешние воды» Тургенева и вот что записала в своем дневнике: «Понравилась мне Джемма, понравился Санин, Эмиль. Интересная личность Панталеоне. Действительно, молодость так же быстра, как вешние воды. Все проходит, и все уносится с необыкновенной быстротой куда-то в небытие и воспоминания. Красота, радость, любовь, лучшее время, школа – все проходит быстро – грезы, мечты, несбывшиеся надежды; и не успеешь оглянуться, как останется одна пустота, грустная действительность, старость, слабость, недомогание. Песня молодости быстро споется, и последний аккорд раздастся в пустом пространстве... в увядших розах.

Вот какие грустные мысли бродили в голове шестнадцатилетней девушки.

Любовь моя протекала беспокойно. То мучили сомнения, обиды, то опять воскресали надежды. Занимала себя всевозможными делами по хозяйству, много читала, чтоб заглушить «муки ада». Часто ходила в Фомкино к Симе Фоминой. Там мы пели, заводили граммофон, плясали, смеялись, бегали, кричали – словом, бесились. Однажды привели молодого красавца жеребца, серого в яблоках.

– Ну, кто сядет и поедет? Кто рискнет? – с задором спросил брат Симы Борис, учившийся в нашей школе.

Конечно же я! С забора взобралась на коня без седла, без стремени и, ухватив за уздечку, поехала по дороге в Могильцы. Конь бежал нормально и, казалось, был спокоен. Но вдруг из леса выскочили двое парней и хлестнули его прутьями. Конь испугался и помчал. Ухватившись за гриву, я болталась из стороны в сторону, но держалась крепко. Вихрем пронеслись по Могильцам. Люди увидали, что дело не ладно. Пытались остановить, что-то кричали, но конь, закусив удила, молнией унес меня в поле и тут на просторе метался, бросался в разные стороны, пытаясь сбросить. Я была ни жива, ни мертва. Наконец он опять примчался в Могильцы и остановился – очевидно, устал, дышал тяжело, и от него шел пар.

Еле живую сняли меня с коня, а я и на ногах-то не могла стоять, так и опустилась бессильно на землю. Вот как накаталась, на всю жизнь!

Побывала и на рогах у коровы, как еще ребра остались целы!

Однажды Леонид пришел к часовне и сказал, что сможет пробыть со мной минут десять, потому что его ждут и вообще ему трудно уходить из дома, что его подозревают и что его мама как-то сказала за обедом, что Боря, ее племянник, ей больше нравится, что он хороший мальчик и барышнями не увлекается, как некоторые. Отец спросил: «А кто же эти некоторые? – «Наш сын». На это Петр Иванович ответил: «Ну, это еще что! Я б на его месте такую малину развел!»

Все это было и смешно, и грустно, и больно! Я находила время бегать к часовне такую даль, а он, видите ли, не может, хоть и живет рядом! На все это я ответила: «Дело твое». На том и расстались.

Тяжело мне было. Шла медленно. В парке уселась на пенек, а вокруг – ромашки, целый букет. Обняла я их, а они прижались ко мне своими головками и, как живые, смотрели в глаза желтенькими сердцевинками, сочувственно качая беленькими венчиками. Милые полевые цветочки! Они всегда были мне дороже пышных красавцев – садовых цветов. Погадала я на них, получилось три раза подряд, что любит, а на деле?

Вечером изливала свое горе дневнику. Прочитала у Тургенева в «Переписке», что любовь – «это болезнь и болезнь противная». Я с этим согласилась вполне. Много мученья приносит любовь.

Начала новую тетрадь под дневник и на обложке написала стихи Львовой, тогда они были созвучны моему настроению:

Мне больше ничего не надо.
О, дайте, дайте мне уснуть!
Так тяжек был пройденный путь,
Так ночи ласкова прохлада...
Мне ничего уже не надо.
Склониться б только к изголовью –
На камень, на постель, на грудь, –
Мне все равно, куда прильнуть.
С моей ненужною любовью
Мне не сужден далекий путь...
О, дайте, дайте мне уснуть!

Писать дневник и читать мне приходилось ночью, так как день был занят работой. То ходила в лес вязать веники для козочки на зиму, то рвать траву для кроликов, то ходили всей семьей за грибами, за ягодами. Да и еда-то у нас была тогда одни грибы, хлеба не было. Сушили картофельные очистки, мололи их и пекли лепешки. И это-то случалось не часто. Картошка тоже была редким лакомством.

Сидя ночью у своего окошка, я видела сквозь кружево вишневой зелени желтое пятно луны, смотревшее на землю холодно и безучастно. Наплывали воспоминания о Тургеневе. Все было теперь мило. Папочка был жив. Училась в консерватории, слушала музыку, вдыхала аромат акаций и роз... Там не знала забот, не знала горя, не знала любви. И тихая грусть туманила глаза. И опять на память приходили другие стихи Львовой:

Я оденусь невестой в атласное белое платье,
Серебристой фатой перевью черноту своих кос,
И кому-то во мглу протяну безнадежно объятья,
И отдамся потоку стремительных грез.
Прислоняся к окну, облитая сиянием лунным

И аккордом усталым, печальным, томительным, струнным
Понесется мой зов к недостойной холодной луне.
И луна мне шепнет, что бесцельны мои ожидания,
Что надолго, надолго мой сказочный плен,
Что напрасен порыв к неразгаданной тайне свиданья,
Я одна в многогранном кольце перемен.

И сидела так до тех пор, пока не начинало светать. Но юность есть юность! Нароботавшись за день, вечером, несмотря на усталость, собирались деревенские парни и девчата. Выбиралась утоптанная площадка, и начиналась кадриль, затем хороводы, танцы, игры и песни. Пели «Вниз по матушке по Волге», про Стеньку Разина, «Жило двенадцать разбойников», «Есть на Волге утес» и много других русских песен и старинных частушек. Молодые голоса пели стройно, кто вторил, кто вырывался высоким подголоском, и родная песня лилась и неслась в вечернее небо и расплывалась по полям и лесам, и нас было слышно в близлежащих деревнях. Там говорили: «Ну, могилецкие запели – знать, отработались!»

Особенно голосисто пели сестры Федоровы. Недалеко от Могилец, по дороге в Фомкино, в лесу стояла сторожка. В ней жил лесник Федоров с большой семьей: двое сыновей и шесть дочерей. Вот они-то и были запевалы во всех наших песнопениях.

Братья Ваня и Сережа работали дома по хозяйству и оба играли на двухрядке.

Приходили ребята из Печек, тоже с гармошками, и начиналось гулянье. А то мы всей деревней отправлялись в Лепешки, где тоже пели и плясали, играли в горелки, в «Заварила теща квас», «Царевич-королевич», «Кошки-мышки», и все это с целованием, что мне не нравилось, и я всячески старалась не поддаваться.

Прыгали через костер, как берендеи, словом веселье искрилось в нас и кипело. Ну и, конечно, кадриль. Кадриль! Сейчас про нее забыли, а ведь это русская игра-пляска, задорная, веселая, состоящая из многих фигур. Пары становятся в хоровод, берут друг друга за руки. Гармонь начинает «Летели две птички», и хоровод тронулся пара за парой, притоптывая, приплясывая, в быстром темпе, кружась на ходу. Гармонист делает переход к «Во саду ли, в огороде» – фигура меняется. Танцующие берутся за руки, образуя большой хоровод и несутся по кругу, приплясывая и изобретая всякие выкрутасы. Вновь гармонист дает предупредительные аккорды – и уже под музыку «Заплетися плетень» девушки пошли в одну сторону, парни – в другую, сплетаясь руками, то есть, правая рука девушки берет правую руку встречного парня, левая – левую и так далее. Когда же встречается своя пара, то начинается новая фигура. Пристроили к кадрили и «Яблочко». Шли парами с чечеткой, а заканчивалась кадриль «Барыней». Тут уж кто во что горазд! Кто с платочком, кто с частушками. Отплясывают пара перед парой, вприсядку! Раскраснеемся, возбужденные быстрой пляской, чудным вечером, не хотелось уходить домой, а надо! Рано утром начиналась работа в поле, по хозяйству, и мы нехотя расставались.

Выучилась и я играть на двухрядной гармошке и, когда ребята капризничали, брала ее у кого-нибудь и играла танцы и русские песни.

Поклонников у меня на деревне было много, а Ваня Федоров даже сватался, но, конечно, мама отказала. Куда это в шестнадцать лет! Тихонько страдал и Сережа, но тоже безответно.

В могилецкий Дом культуры из Москвы в виде культурной связи города с деревней приезжал некто Мамаев, привозил артистов для концерта, ставил спектакли силами нашей деревенской молодежи. Взялись и разучили пьесу Островского «Не в свои сани не садись».

Представление было похоже на спектакль в селе Огрызове. Играть никто не умел. Считали, что это очень просто – выучил роль и говори, когда настанет черед, а пока тебе говорить нечего, можешь переговариваться и перемигиваться со знакомыми из публики, грызть семечки и плевать тут же на пол. А из зала тоже неслись реплики, вроде: «Сенька-то, Сенька-то как вырядился, усы приклеил, а мы все равно тебя узнали!»

Одна мамаша в гневе прибежала в клуб и, увидев свою дочь на сцене, принялась кричать: «Машка, ты почто здесь? Я ведь тебе велела корову подоить, а ты удрала? Вот погоди, я тебе покажу, как на киятре ломаться! Иди сейчас же домой, пока за косы не стянула». Машка только отмахнулась и продолжала расхаживать по сцене и болтать заученную роль, как дьячок – псалтырь.

Мамаев, видя такой хаос, стал подбирать людей, более подходящих и понимающих в драматургии. Привез пьесу «Преступление». Мне поручил главную роль, сам решил играть в этой пьесе, но все разладилось, потому что я пошла в школу, а он мог приезжать только раз в неделю.

XVI

Шел конец июня, когда мне захотелось посмотреть, как это заря с зарей сходятся. По дороге в Печки на пригорке стояла одинокая, высокая сосна. Сучьев на ней не было, а наверху, как шапкой, покрывала ее пышная крона. На нее я и решила залезть на всю ночь.

Вечером, когда в доме все уgomонились, забрала с собой веревку и отправилась к сосне. По деревьям, надо сказать, я лазила, как обезьяна. Могла залезть босиком на совершенно гладкий столб. Подойдя к сосне, я без труда забралась на самый верх, выбрала сучок поудобней, уселась, привязала себя веревкой, чтоб не свалиться, на случай если засну, и ... замерла, зачарованная открывшейся панорамой! Небо светилось нежным, светло-зеленоватым цветом там, где скрылось солнце, и по нему растянулись кое-где тонюсенькие полоски золотистых облачков – наверное ониплыли очень высоко, унося последние отблески дневного светила.

Голубой дымкой повисла роса над травой около леса. Несмотря на поздний час, жизнь не прекращалась ни на секунду. В траве стрекотали кузнечики – очевидно, дня им было мало. Летали какие-то мушки, мотыльки, жуки. Все это потихоньку жужжало, шепталось, порхало. А леса кругом стояли неподвижно, будто дремали под неугомонный шорох крылатых эльфов. От земли поднимался теплый воздух, напоенный запахом душистых трав и цветов, и обвевал меня легким дуновеньем.

С высоты птичьего полета мне было видно тропинку, вьющуюся из Могилец в лес к колодцу, в глубине которого покоилась чистая и вкусная вода, а рядом лежал васнецовский прудик, не хватало только задумавшейся Аленушки. Вот откуда и тянулась голубая полоска росы. Кругом ни души! Далеко, далеко звучала грустная гармонь. Деревня вдали спала после трудового дня. Было торжественно и дивно! В природе слышалась божественная лесная симфония. А в моей душе звучала то симфония Калинникова, то отдельные мелодии из первого концерта Чайковского, то прелюдии Рахманинова. Но громче и настойчивее раздавалась мелодия романса «Здесь хорошо».

Как эти композиторы любили нашу русскую природу, и как точно картины природы были отображены в их чарующей, проникновенной, заставляющей всегда меня трепетать музыке!

«Здесь хорошо!.. Здесь тишина!.. Цветы да старая сосна!», и я на ней со своими мечтами очарованной души! Величественное, неповторимое зрелище! Трудно описать словами то, что видела и слышала! Как будто я присутствовала при свершении таинства, таинства превращения ночи в день. А кругом тончайшая живопись! Перламутровые переливы и в небесах, и на земле, нежные, неуловимые! Картина этой изумительной ночи светится перед глазами по сей день.

Напрасно я привязывалась веревкой. Было не до сна. Картина сияла потрясающая, обворожительная! Небо напоминало опрокинутую дорогу, фарфоровую чашу со светлыми, нежно-розовыми прозрачными краями. Светящаяся полоска на западе так и не погасла, как на востоке заалела другая. Небо принимало всевозможные оттенки. Становилось все светлей и светлей. И вскоре жаворонка пенье возвестило рождение нового дня.

Ночи не было. Был полумрак, мягкий, теплый, ароматный, полный жизни. Суета в траве так и не прекратилась. С рассветом защebetали птички. Зашумел ветерок. Вот-вот появится солнце. Симфония природы продолжалась. Стало совсем светло. Надо было слезать с дерева, пока люди не вышли на работу и не разглядели меня на дереве.

XVII

Шел август. Дома решили, что я должна все-таки учиться. Отправилась в Талицы. За мое озорство Сергей Иванович грозил, что не возьмет в школу. Но, увидев меня, он обрадовался и сказал, что не только буду учиться, но и освободят от платы за учење. Сергей Иванович поведал мне новость – школа наша теперь будет помещаться в Клинниках, в кирпичном двухэтажном доме. Там же будет и общежитие. Клинники – деревня около станции Софрино, от Могилец до них пять километров.

Поблагодарив Сергея Ивановича за заботу обо мне и за теплое, сердечное отношение, сказала, что задаром учиться не хочу, а отработаю чем угодно. Школу надо было приводить в порядок после ремонта. Через день я пошла в новое помещение. Все понравилось. Пришли еще девочки, и мы начали уборку. Выносили мусор, мыли окна, полы, расставляли лавки.

Догуливали последние денечки. Погода стояла теплая, только дни уже поуубавились. Работала много, чтоб побольше оставить всего маме на зиму. У Федоровых заработала пять мешков

картошки. Помогала жать рожь, овес, и тоже заплатили мукой. А вечерами собирались на деревне, чтоб поплясать. Я любила отплясывать «русскую». До того, бывало, напляшешься, напоешься, что еле ноги волочишь домой.

Большое удовольствие – ходить за грибами, за ягодами! Богатые были леса кругом. Как-то на одном концерте я услышала романс «Благословляю вас, леса». Запомнились сразу и мелодия, и слова. Входя в лес, я начинала петь этот гимн природе. Какие слова там! «Благословляю я свободу и голубые небеса!» Как это звучит прекрасно!

И одинокую тропинку,
по коей нищий я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

Сколько любви к природе в этих словах, в этой мелодии! До сих пор романс вызывает слезы, когда я его слышу.

Наконец лето кончилось. Поля опустели. Мама сшила мне серое платье для школы и черный фартук. Братья Федоровы, забыв обиды, перевезли мои пожитки в общежитие на лошади. И вот опять учеба, опять милая школа и встреча со старыми друзьями и товарищами. Появились новые учителя. Генрих Антонович Бауэр повел вновь введенные предметы: гимнастику, труд и немецкий язык. Он играл на скрипке, и тут же возник ансамбль – скрипка и рояль. Начались репетиции по вечерам. Разучивали танцы Брамса, «Сомнение» Глинки и много других интересных пьес. Он был мною доволен. Его жена Екатерина Александровна преподавала историю.

Гимнастика всем понравилась. Ручной труд также пришелся по вкусу. Сначала мы делали из картона кубы, конусы, пяти-шести-восьмигранники. А затем дал всем индивидуальные и по группам задания. Леонид, Борис и Петя Хлопинский начали делать макет Софринской древней церковки. Я начала работу над макетом средневекового замка, с башенками, с черепицей на крышах, стоящего на скале, обнесенного рвом, с подвесным, поднимающимся мостом.

В конце учебного года все это экспонировалось на школьной выставке. Тогда же мы с Генрихом Антоновичем сфотографировались около замка. Софринскую церковь ребята тоже сделали очень хорошо. Она выглядела красивой и похожей.

Жизнь в школе пошла своим чередом. Я ее полюбила еще больше. Избрали литературную комиссию, меня – председателем, Колю Попова – секретарем. Решили выпускать журнал, и работа закипела.

По вечерам, до ужина, мы учили уроки в зале, за длинными столами деревянными и на козлах. Я справлялась со своими заданиями быстро, вперед всех. Затем разувалась, вскакивала на стол и, подражая балерине, танцевала на стульчиках так, чтоб ничего не задеть. Ребята начинали ворчать, поднимался шум. На шум выходил из учительской Сергей Иванович, забирал меня к себе и заставлял проверять тетради младших классов. После ужина начинались репетиции, чтение или игры. Я научила ребят плясать кадрили, и мы на сон грядущий отплясывали ее по всем правилам, только играть-то приходилось мне.

Антонина Григорьевна привезла игру «Флирт» и вот ради нее приходящие ребята оставались в общежитии, в том числе и Леонид с Борисом.

Мальчишки забрасывали меня карточками с вопросами: «Занято ли ваше сердце?» или «Так страстно хочется счастья и любви». Я не успевала отвечать. Леонид прислал мне первый: «Ни одного приветливого слова, ни одного ласкового взгляда». На это я ему послала: «Хочешь быть моим другом?» Он ответил словами: «Да, да, да».

XVIII

Началась подготовка к празднику Октябрьской Революции. Решили устроить гимнастические соревнования на призы, по вольным движениям, прыжкам в высоту и длину, и концертное отделение. Снова вечера заполнились репетициями, занятиями по гимнастике, украшением зала, писанием и рисованием афиш и программ. Генрих Антонович рисовал большой портрет В.И. Ленина. Словом, когда наступил день праздника, у нас все было готово, украшено, прибрано.

Ребята пришли в школу расфранченными. Мне мамуся принесла белое платье с красным поясом и белые ботинки со шнурками. Когда я нарядилась, ребята говорили: «Васька-то наш до

чего хорош!» Васькой меня прозвали за баловство и боевитость, да к тому же я еще остриглась под мальчишку, а волосы мои немного вились, так что комплиментов мне наговорили много.

Приехал наш шеф, тов. Петров, только не помню откуда. Праздник начался пением Интернационала. Шеф выступил с речью, затем Сергей Иванович сказал слово. После этого начался концерт. Я пела «Сомнение» Глинки под аккомпанемент рояля и скрипки. С Генрихом Антоновичем исполнили два танца Брамса. Аккомпанировала другим исполнителям. Играла вальс Шопена № 7. Пели хором. Всего подготовили 24 номера. Затем мы переоделись в физкультурные костюмы и начались соревнования. Все делали все хорошо, поэтому призы никому не достались. Праздник удался на славу. Довольная публика стала расходиться, а у нас открылся бал. Тут началось настоящее веселье. Играл в «соседи», в «ключи», в «колечко», танцевали, носились по классам. Леонид от меня не отходил.

За хорошую учебу и за прекрасную подготовку концерта Сергей Иванович устроил нам сюрприз – достал билеты на «Севильского цирюльника». Восторгу и радости не было границ. Сколько разговоров, сборов, беготни! И вот снова в театре, в ложе-бенуар. Веселая, игривая музыка Россини нас очаровала. От оперы были без ума. Улыбки не сходили с довольных лиц. Когда же поехали домой, Сергей Иванович купил нам всем по белой булке. Большой соблазн был съесть, но я убрала булку для мамы и ребят.

Всю дорогу мы трещали, делились впечатлениями. Сергей Иванович смотрел на наши сияющие лица своими тоже сияющими глазами и сам был счастлив не меньше нашего от того, что доставил такое удовольствие ребятам.

В один из вечеров Генрих Антонович затеял «повторение» «Севильского цирюльника». Фигаро пел «Ох, яблочко, сбоку зелено», граф Альмавива перед Розиной – «Ох ты, доля, моя доля». Розина пела частушки. Смеялись все до слез.

XIX

На одном из школьных советов Сергей Иванович предложил организовать кружки по искусству, литературе, математический, исторический и кружок по краеведению. Много спорили, но мне это предложение понравилось. Я стала работать в музыкальном, литературном и краеведческом кружках. По краеведению собрали много материала. Ходили в экскурсии по окрестным деревням, историческим местам. Были в селе Софрино со старинной церковью, макет которой делали ребята. Посетили село Рахманово, существующее со времен татарского ига. Записывали разные предания глубокой старины, песни, пословицы, прибаутки.

Сергей Иванович мечтал создать такой музей. Но не пришлось ему увидеть свою мечту воплощенной. Много-много лет спустя, когда его давно уже не было в живых, историко-краеведческий музей все же организован.

У нас в школе классом младше учился софринский уроженец Борис Чернавский. Вот он-то спустя сорок пять лет и принял активное участие в создании музея. Помогла и я ему, написала и подарила музею пять картин – «Боголюбская часовня в Родионках», «Чернятки», «Церковь Иоанна Богослова в Могильцах», «Село Могильцы» и «Пруд в Могильцах».

Встретились с Б.Н.Чернавским пятьдесят лет спустя. Он него я узнала, что в музее есть статья о часовне, но следов от нее нигде не осталось, так как в двадцатых годах, как я уже говорила, ее сломали. Однако след все же остался. Я свято хранила акварель с этой часовни. Вот ее-то я и показала Борису и предложила написать картину. И написала ее в окружении цветущей черемухи ранним утром.

Кроме уроков, дел было много. Я освоила пишущую машинку и после уроков ходила в Москвитоп печатать материал для Литературного журнала, куда я тоже писала стихи, рассказы и критические статьи.

В декабре отмечалось пятилетие существования талицкого Дома культуры, где я выступила с приветственной речью от школы. После торжественной части состоялся концерт. Я играла соло на рояле и в ансамбле с Генрихом Антоновичем. Декламировались стихи Бальмонта «Камыши» под мою музыку, написанную для скрипки и рояля специально для этих стихов.

Занята я была с утра до вечера. И кстати. Наши хорошие отношения с Леонидом разладились. Причин тому было много. Во-первых, его родители были против нашей дружбы. Во-вторых, до него дошли слухи, что за мной ухаживали ребята на деревне, а Федоров даже сватался, но я-то тут при чем? Обидно было, что он отвернулся молчком, не объяснившись со мной.

Сергей Иванович опять достал билеты к Зимину, на «Травиату», на дневной спектакль. В воскресенье мы поехали. Пришли в храм искусства, разделлись и расселись в четвертом ряду партера. Свет стал медленно гаснуть. Началась увертюра. Тихо, плавно и грустно полилась мелодия, предвещающая что-то недоброе. Я превратилась в слух и зрение. Все на свете было забыто. В оркестре слышалась тема любви, постепенно перешедшая в танцевальную музыку. Поднялся занавес. На сцене – шумный бал.

Совсем другая эпоха, другой мир открылся перед нами. Трагедия любви! Прекрасному чувству помешали люди из-за корыстных, честолюбивых целей. Загубили любовь, загубили жизнь. Я переживала вместе с Виолеттой. Не так ли получалось и у меня?

Начиная со второго действия, мы плакали, никого не стесняясь.

Особенно было тяжело, когда началась увертюра к четвертому действию. Все отразилось в этой музыке. Больная, несчастная, отвергнутая всеми, девушка пожертвовала собой для благополучия других и теперь уходит из жизни. Вспоминает минуты счастья и любви, пролетевшие мгновенно, и вот все кончено, дни ее сочтены.

Но и тут не обошлось без комического эпизода. У Леонида в кармане лежали ржаные пироги с морковью, которые он, очевидно, щипал потихоньку и кусочки клал себе в рот. Но карман оказался худой и вот в антракте мы увидели на ковровой дорожке цепочку из ржаных кусочков и моркови, протянувшуюся к четвертому ряду партера. Сергей Иванович тут же обнаружил беспорядок. Короткое следствие. Леонид признал свои пироги, нашел дырку в кармане, покраснел до корней волос, уселся на место и принялся очищать карманы от несчастных пирогов. А мы все быстренько собрали с полу крошки, и инцидент прошел без последствий. Долго со смехом вспоминали эту историю.

Приехав домой, я тут же написала стихотворение, озаглавила его «После поездки на оперу «Травиата» и поместила в Литературный журнал:

Театр, и зал, и шум рукоплесканий,
И занавес совсем уж опускался.
Но сердце так полно воспоминаний,
И впечатления так новы и свежи,
Не хочет взор от сцены оторваться,
Но засветились в зале фонари,
А публика уж стала волноваться,
Теперь придется снова дожидаться,
Пока потухнут яркие огни.
Но вот опять начало увертюры
И звуки скрипок нежно полились.
Она задела горестные струны,
Аккордами в душе отозвались.
И поднялись волны тяжкого страдания
И полились в немой, гнетущей тишине
Невольны слезы горького рыдания.
Оркестр играл. На сцене пели,
Безмолвно в зале все сидели.
Вдруг скрипки тяжело зарыдали.
Огни смущенно замигали,
А публика была тоской объята,
Когда скончалась Травиата.

XX

И опять заседал школьный совет, на котором объявили отметки. У меня – половина удовлетворительно, а половина – хорошо. Сергей Иванович, сделав строгий вид, сказал, что за поведение Вары надо поставить неуд, но Генрих Антонович тут же вступился, говоря, что за такую общественную работу, какую она ведет, ей все можно простить. На ней одной все держится.

Говорили о концерте под Новый год, что надо наметить программу и начать подготовку, так как времени осталось мало. Начались приготовления к концерту. Я срочно сочиняла балет и музыку к нему. Назвала свое произведение «Принц и мотылек». Роль принца танцевала сама, а

мотылька – Люся Попова, младшая сестренка Эн-Пе-Пешины, хорошенькая, грациозная блондиночка.

Затем решили представить разговор двух дам из «Мертвых душ» – просто приятной и дамы, приятной во всех отношениях. Роль последней поручили мне.

И опять началась суматоха, беготня. Репетиции шли одна за другой. Я ждала вечера с нетерпением, потому что кто-то должен был приехать из Москвы и играть Патетическую сонату Бетховена и сонату Мендельсона.

Наступило 31 декабря. Еще накануне пекли пироги, жарили, варили, готовя буфет. Зал украсили хвойными гирляндами с флажками по наличникам окон и дверей. Антонина Григорьевна сделала мне прическу, подошедшую как для принца, так и для «дамы приятной во всех отношениях».

В назначенный час отправились одеваться. Народу собралось много. Пока мы одевались, устроили родительское собрание, на котором Сергей Иванович назвал меня неутомимой труженицей, а наш класс – гордостью школы.

За концерт напрасно волновались, он прошел блестяще. Особенно понравился всем мой балет и мы бисировали. Костюм для принца сделали прелестный: белые длинные чулки, белые туфли, пышные, черные, коротенькие штанишки, бархатная черная безрукавка, алый, широкий пояс, светло-сиреневая кофта и черная, на розовой подкладке, накидка со стоячим воротником. Люсилька порхала, как бабочка, в белом платьице балерины. Аплодировали без конца.

На концерт приехала пианистка Молоканова, и я с замиранием сердца слушала ее игру. Вместе с ней приехал ее муж доктор Молоканов с сыном Володей, и они приняли самое активное участие в концерте.

Начался новогодний бал. Доктор Молоканов оказался хорошим танцором и все время приглашал меня. Играли в разные игры. Леонид не сводил с меня грустных глаз и я чувствовала, что на сердце у него не хорошо.

Праздник закончился «grand land» во главе с Молокановым. Вот уж тут мы носились по классам, как сорвавшиеся с цепи, с визгом и хохотом. Набегались влать. Спать легли в четыре часа утра. Так мы встретили 1923 год.

Начались каникулы. Раздали «балльники». Пожелали друг другу хорошо отдохнуть, и я поехала в Москву, так как мама жила с ребятами теперь там.

Большое участие в моем тяжелом семейном положении принимал Сергей Иванович. Когда устраивались в талицком Доме культуры концерты или литературные вечера, он всегда приглашал меня участвовать и делал так, чтоб мне заплатили.

Однажды приехала балерина с предложением поставить балетный номер под музыку Шопена. Сергей Иванович предложил аккомпанировать мне и сам назначил гонорар в сто миллионов рублей. Да, я тогда тоже побывала в миллионерах. После мне пришлось играть еще и на танцах. Словом, я заработала неплохо и на каникулы приехала к маме с деньгами.

XXI

Мы, девочки, по вечерам, а то и во время большой перемены у себя в общежитии читали вслух книги. Прочли много романов, в том числе «Антон Кречет», «Овод», и заливались горькими слезами в трогательных местах, так и сидели с полотенцами, платков не хватало. А мальчишки, прознав, смеялись над нами, когда мы выходили с заплаканными глазами и с красными носами.

Хоть порой и было на душе тяжело, но баловство меня не оставляло. Как-то затеяли игру у нас в классе. Я – мать, а Миша Виноградов – отец, остальные – дети. Вот, отец, сняв с себя ремень, стал пороть деток ни за что ни про что, а я – за них заступаться. Поднялся такой шум и гам, началась такая свалка и потасовка, смех, грохот, беготня, что сверху прибежал Сергей Иванович и принялся нас распекать:

– Взрослые ребята, по 16 – 17 лет, а у вас одно баловство на уме. Когда же вы повзрослеете? Расходитесь по своим общежитиям и больше чтоб я вас не слышал.

Сергей Иванович всегда долго задерживался, независимо от дежурства.

А то как-то вечером, приготовив уроки, мы отправились гулять. Подмораживало. Хрустел снежок. Вокруг все голубело и синело. Серебром разливался лунный свет. Вижу – едут розвальни, а в них – дед с бородой. Я вскочила на ходу в сани, сняла с деда шапку, спрыгнула, обогнала сани перед носом у лошади, перебежала на другую сторону, взлетела в сани, надела на деда шапку,

извинилась и выскочила вон, а он меня все же успел огреть кнутом, не сказав ни слова. Это сотворилось настолько быстро, что ребята только рты разинули: «Ну и Васька!»

Все-таки Сергею Ивановичу кто-то донес. На другой день он вызвал в учительскую:
– Варя, что мне с тобой делать? Что тебя толкнуло на вчерашний поступок? Разве ты не знаешь, как это называется? Ведь ты уже взрослая девушка, – тихо начал Сергей Иванович. – Ну что же ты молчишь, отчаянная твоя голова? Ты ведь надежда своей матери, ее опора. Ты могла бы себе голову сломать, изуродоваться. И разве хорошо так издеваться над пожилым человеком?

Я стояла, опустив голову. Фраза, что я опора своей матери и могла бы причинить ей горе, поразила меня. Как я об этом не подумала и что я за дуреха такая!

– Я не буду больше так озорничать, Сергей Иванович, даю вам слово.

– Ну хорошо, Варюша, я верю, что так оно и будет. Иди и занимайся своими полезными делами.

Милый Сергей Иванович! Как он умел, не ругая и не крича, приводить меня в чувство и затрагивать самые глубокие струны сердца, умел прощать, умел верить.

Однако не прошло и трех дней, как в голову пришла новая шалость. Пане нравился один щегловский парень, Яша. Он служил в армии, в Москве и собирался приехать на побывку домой. Сообщил, когда придет, и просил Паню встретить его. Панечке пришла в голову идея проверить его любовь, а у меня моментально созрел план, как это сделать.

В этот вечер Леонид ночевал в общежитии. Мальчишки легли спать, когда я постучала к ним и попросила у Леонида его штаны и рубашку. Он просунул мне их в дверь. Зимняя шапка у меня была ушанка и короткая тужурка. Из меня получился настоящий мальчишка, и Паня все мной любовалась.

Вышли на шоссе и начали прогуливаться под руку взад и вперед. Луна светила вовсю на синем небе. Легкий морозец бриллиантил снежок. Вдали, на горе, среди спящих сосен темнела колоколенка моих любимых Могилец. Прогремел поезд и минут через десять показалась фигура в шинели. Яша шел прямо на нас. Вдруг, он остановился как вкопанный, а затем быстро прошел мимо. Паня кричала ему вслед: «Яша, Яша, погоди!» Но Яша мчался, как нахлыстанный.

Придя домой, разделись. Отнесла Леониду его вещи, а Паня ударилась в слезы.

– Что мы наделали, – причитала она, – он теперь не поверит, что была девчонка. Он гордый. Всему конец, – и она горько плакала.

Я ее утешала, говоря, что докажу ему нашу шутку. Но любовь у них разладилась. Вот тебе и проверили!

С Клашей мы подружились крепко. Она не сводила с меня восторженных глаз и все повторяла: «До чего же ты хороша! Ты мое божество!» Но я сама себе совсем не нравилась. Глядя в Клашины застенчивые глаза, думала: «Вот она всегда скромная, тихая, милая, а я Бог знает что. Балуюсь, дерусь, ношусь сломя голову, какая-то беспокойная, неуравновешенная, все мне чего-то недостает, куда-то тянет». Написала стихи и посвятила их Клаше:

Ты помнишь, милая подруга,
Как мы с тобой в часы досуга
Сидели тихо на постели
И говорили обо всем!
Минуты быстрые летели
Своей невидимой чредой.
Над нами сумерки густели,
Рождая синих теней рой.
А в мыслях живо воскресали
Былого чудные картины
И тихо грусть нам навевали,
Напомнив мирные долины.
Из детства милые, родные,
На память лица нам всплывали,
И мы друг другу изливали
Все то, что на сердце лежало.
Все нас с тобой соединяло:
И смерть тяжелая отцов,
И даль родимых матерей,
А главное – у нас с тобой

Нет больше искренних друзей.
Тебя ж всегда я помнить буду,
Куда б меня ни унесли
В житейском море волны бури,
Твое лицо, твои глаза
Запечатлелись навсегда,
И их не смоют ни года,
Ни жизни тягостной невзгоды,
Но, может быть, рука с рукой
Пойдем мы вместе в путь далекий.

Почти всю зиму мое отношение к Леониду было безразличным. Не могла простить, что поверил сплетням, не поговорив прежде со мной. Но его внимание и предупредительность, нежные взгляды и грустный вид убедили, что он любит и что мне он тоже не безразличен. Я нарисовала акварелью нашу любимую часовню в Родионках и подарила ему на память.

На весенние каникулы я опять уехала в Москву.

XXII

Приехав в школу, узнала, что Леонид серьезно заболел. Новое препятствие! Стало тревожно и скучно. Весна величественно плыла в свои владенья, но снег в полях еще белел. Кое-где появилась зеленца, заглазели подснежнички, милые, нежные цветочки! Как великолепно пробуждение природы, как пышно! Веет всевозможными ароматами! Многоголосное пение петнатых, славящих мать-природу за ее щедрость, неповторимость, приносящую всему живому великое счастье бытия, созерцание красоты, постижение мудрости и великого Разума!

Наша четвертка девочек из старшего класса по вечерам после занятий лазила на чердак, а оттуда – на крышу любоваться волшебными вечерами и ночами, полными весенней неги и тополиного аромата. Сердца наши трепетали от восторга, от восхищения необыкновенным многообразием природы. Мы вдыхали всей грудью весенний чистый воздух, юные, полные надежд, мечтаний о счастье, о неизвестном будущем.

Однажды в слуховом окне показалось голова Пети Хлопинского:

– Девочки, идите спать, а то Сергей Иванович, услышал ходьбу по крыше. Хоть я и сказал, что это кошки, но он ответил, что слишком тяжелы для кошек, если это девчонки, то гони их оттуда, пока не свалились.

Пришлось спускаться и укладываться спать.

Распустилась черемуха. Мы заставили букетами все классы и общежития. Аромат благоухал по всему зданию. Готовились к экзаменам, к обследованию школы, к выставке. Леонид пришел после болезни сильно изменившимся. Мы не разговаривали. Я не знала, как держаться.

После уроков ребята бушевали. Швырялись черемухой, поливались водой, дрались, бегали наперегонки, играли в прятки – словом, не знали, куда деть свои силы. Но общественная работа и уроки от этого не страдали. Все шло своим чередом. Мы дружно помогали друг другу. Когда Петя и Миша по вечерам вычерчивали в учительской графики и диаграммы по заданию Сергея Ивановича, мы, девочки, сидели с ними, чтоб им было не скучно. Кто шил, кто вязал, а я читала вслух что-нибудь из Гоголя или Пушкина. В открытые окна залетал теплый, пахучий ветерок. Пьянила черемуха. Все дышало свежестью и уютом.

Заходили в учительскую и Леонид с Борисом, и по всему было видно, что им совсем не хотелось идти домой.

Мальчишки словно чуяли, что я учусь с ними последний год. Засыпали меня черемухой, звали Васенькой и Ясенькой. Все это трогало до слез. Я тоже чувствовала, что больше не придется учиться в этой школе.

Как-то после испытаний по ботанике и зоологии мы пошли в лес и, выбрав лужайку, начали играть в горелки. Ко мне подошел Петя Хлопинский:

– Мы с тобой, Ясенька, будем?

– Нет, со мной, – подлетел Леня Скотников.

– Мамашь, ты что же папаше изменяешь? – подоспел Миша, и стали меня тянуть каждый к себе, но досталась я Пете.

Бегуны мы с ним были хорошие, так что никто не смог нас разлучить. На прощанье он даже поцеловал мне руку. Милый, славный Петя! Впоследствии он работал прокурором. В Отечественную войну он погиб на фронте. Хочется, чтоб светлая память о нем хранилась не только в моем сердце.

Наступили зачеты. На них присутствовали представители из областного отдела народного образования. После показывали им гимнастические упражнения и пригласили на открытые выставки. Все прошло на высоком уровне.

Занятия окончены. Выставка открылась. Приехала мама посмотреть на наши изделия и привезла мне кисейное платье.

Выставка всем понравилась. Кроме макетов церкви и замка, экспонировались вышивки, вязанье, изделия по швейному делу. Это преподавала у нас Зинаида Николаевна Памарина. Мой замок занял первое место. Я была героиней дня и от радости весело порхала в новом платье.

Состоялось родительское собрание. Зачитали результаты испытаний. Я перешла в девятый класс. После собрания устроили только танцы, но веселья не чувствовалось. Ребята ходили грустные, предвидя скорую разлуку. Но в перспективе были еще две недели летней школы. Мы провели их очень интересно и с пользой. Ходили, измеряли землю там, где указывали. Побывали на одном торфяном болоте, смотрели, как работают машины. Обратный путь лежал через Фомкино, где жил Иван Петрович Фомин. Надалеко от его дома мы расположились пить чай, а он угостил нас молоком.

Ездили экскурсией в Сергиев. Осматривали Лавру. Тихий, мирный, древний уголок! Вспомнился «Князь Серебряный» А.К. Толстого. Старинная Русь! Представила себе, как Сергей ходил в Москву, одному ему известными тропами. Леса тогда стояли дремучие, непроходимые. Высились огромные, седые ели там, где сейчас Абрамцево. Скрывались беглые люди, за которыми следили из-за кустов жадные глаза лесных хищников. Этот лес продолжал стоять еще в 20-е и 30-е годы до самой Москвы. Бывало, едешь в поезде, а ветви деревьев так и стегают по окнам. Теперь же лес отодвинулся далеко, уступив место многоэтажным зданиям.

Показали мощи преподобного Сергия. Ничего особенного! Набор разных костей, пучок волос, куски тряпок.

В Сергиеве мы навестили больную Антонину Георгиевну. Она очень обрадовалась нам. Подаренные когда-то ко дню ее рождения нарисованные мною розы висели на видном месте, и она сказала, что, когда просыпается, первый взгляд падает на них и она сейчас же вспоминает меня.

Милая Антонина Георгиевна! Больше я ее не видела. Последняя встреча с сердечным, добрым и отзывчивым педагогом и человеком. Как она хотела, чтоб я училась музыке и живописи!

Возвращаясь на вокзал, мы снова проходили мимо Лавры, и вот в стороне, почти около Утичьей башни, я увидела старичка, пиликающего на скрипке и просящего подаяние. Что-то остановило меня. Отстала. Подошла ближе. Шапка его была пуста. Никто не обращал на него внимания. Стало до боли жаль нищего. Чем я богаче его? Моя семья так же голодала, так же была без средств к существованию.

– А вы «барыню» умеете играть?

– Умею, а на что тебе? – грустно спросил он.

– Игратьте, а я спляшу, может быть, вам и подадут.

Он начал играть, а я припустилась плясать. Никогда в жизни я себе этого не позволила, но желание помочь бедному старичку превозмогло и стыдливость, и волнение.

Понемногу стали собираться люди. Смотрели с любопытством. Гляжу – один что-то положил в шапку, другой. Это прибавило мне бодрости. Я полетела по кругу птицей, то отбивала ногами на месте, а потом подбоченясь плавно плыла, пожимая плечами.

Народу прибавилось. В шапке уже было бумажек доверху. Проплясав еще немного, остановилась, поклонилась в пояс, подошла к шапке, собрала и сложила в пачку тысячерублевые бумажки и сунула их деду в руки.

– Зачем ты все-то? Возьми себе половину, девонька!

– Не надо. Желая вам здоровья и удачи.

– Ну, спаси тя Христос! – перекрестил меня, и я помчалась догонять своих.

Летняя школа длилась две недели. Две недели я находилась среди друзей и товарищей. Шли репетиции с Генрихом Антоновичем к концерту, который состоялся в талицком Доме культуры и за который мне заплатили по просьбе Сергея Ивановича.

Состоялся последний школьный совет, на котором постановили – школе быть, но она переедет в Талицы в помещение Москвотопа. На этом совете Леонид передал мне большое письмо, где винил во всем себя, просил все забыть, простить и восстановить прежние отношения. Любит еще сильнее и очень скучает. Просил прийти к Талицкой часовне, а не к Богословской.

Концерт прошел хорошо. Приехала из Москвы артистка Большого театра Погосова, певшая неоднократно, по ее словам, с Шаляпиным. Она исполняла оперные арии, «Соловья» Алябьева. Я слушала с большим удовольствием. Затем шел номер «Пляска боярышень». Участвовали наши девочки: Муза Шамарина, Люся Попова, Вера Прохорова и я. Костюмы нам смастерили шикарные, с кокошниками. Затем я плясала «русскую». С Генрихом Антоновичем играли танцы Брамса.

На этот концерт приехал мой двоюродный брат Николай Чугунов, и мы с ним исполнили две мазурки – Венявского и Левандовского: он – на мандолине, а я – на рояле. Наш номер особенно понравился, и мы бисировали.

Концерт окончился поздно. Возвращались в школу в третьем часу ночи. Вот когда было хорошо! Уж рассветало. Восток загорался алой полоской, звездочки гасли. Веял легкий ветерок. Кое-где проплывали зардевшиеся облачка. Тихо колыхалась спеющая рожь, и темневший недалеко лес задумчиво покачивался.

О, любимая моя природа, любимые места, любимая школа!

XXIII

На другой день я пошла к Талицкой часовне. Был полдень. Леонид уже ждал. Насобирав мне земляники, нарвал букет цветов. Как переменились роли! Когда-то я первая прибежала и подолгу ждала его. Теперь же была к нему почти равнодушна, только жалость щемила сердце.

Еще во время болезни Леонида дошли слухи, что он выдержал большую борьбу, ограждая меня от нападков домашних, стремившихся убедить его, что я ему не пара, что я нищенка, неверующая, ветреная. Все эти неприятности, сплетни и слухи сделали свое дело. Тогда же решила взять себя в руки и выкинуть все из сердца.

Побродили мы с ним по березовой роще, за старой школой, где когда-то была передана записка, заставившая меня трепетать. С тех пор все стало иным. Сели у обрыва, над которым свешивались ветви берез. Он просил остаться в школе, говорил, что ему трудно становится жить дома, что он скучает без меня, что я сильно к нему изменилась. А день был чудесный, тихий! Иногда пронесился легкий ветерок, догоняя и подталкивая желтенькую бабочку. Над головами шелестели березы, скрывая маленьких птичек-хлопотушек. Все дышало покоем и деревенской тишиной.

Так мы сидели с ним и говорили, говорили... Вдруг он порывисто обнял и поцеловал меня в щеку. Первый и последний поцелуй! Леонид проводил меня до Клинников. Долго жал руку, не сводя любящих и печальных глаз с меня, и мы расстались. Он слал письма в Москву с просьбой о встрече. Но хлопоты и заботы об устройстве не пустили меня в Талицы.

Видеть хотелось, и было его жалко, жалко канувших в Лету красивых, безоблачных мгновений моей юности. Но воспоминания о нем, о школе загромоздились, заставились нахлынувшими событиями, новыми впечатлениями, знакомствами, театрами и память о прошлом отодвинулась постепенно на задний план, а затем и совсем померкла. И только пятьдесят лет спустя, перелистывая пожелтевшие страницы дневника тех лет, я все вспомнила. Все всплыло, все ожило с новой силой, во всей своей утренней прелести и чистоте.

Ужасна судьба Леонида. По окончании Талицкой школы он уехал учиться в Новочеркасск. Окончил там политехнический институт очень успешно и был приглашен на работу в МАГИ. Но вскоре обнаружилась неизлечимая болезнь – энцефалит. И такой умный, способный и хороший парень погиб, не узнав жизни, не узнав счастья.

Вернувшись в школу, пошла посмотреть в последний раз на свой замок, на Софринскую церковь. Сколько труда положили на эти макеты! Как много хорошего происходило здесь, в этом доме, стоявшем среди тополей. Скоро школа уедет отсюда. Грустно стало на душе. Прощай, милая школа, прощайте, дорогие друзья и товарищи!

С ранним поездом я уехала в Москву, увозя последний букет Леонида. Для меня ученье в этой школе кончилось. Кончилась розовая, беззаботная юность! Кончилась первая любовь, поэтичная, застенчивая! Ушли в прошлое проведенные в долгое, зимнее время вечера, наполненные музыкой, пением, чтением литературы, репетициями, уроками, играми, шалостями, флиртом и дружбой.

Ушло золотое времечко, проведенное среди красот природы, свежего воздуха и необыкновенного очарования лесов, полей и лугов. Канули в прошлое счастливые годы, где «и быть сливалась со сказкой, и расцветала в сказке быть».

Глубокая благодарность переполнила мое сердце к педагогам, которые были не только нашими учителями, но и старшими товарищами, чуткими, добрыми и сердечными друзьями, вторыми нашими родителями. С глубокой тоской покидала я школу.

Летом приезжала в Софрино к Сергею Ивановичу за документами. Он расстроился, когда я сказала, что не буду учиться в Талицкой школе. Ломал голову, как бы помочь мне материально, но что-либо придумать в то время было трудно. Это была последняя с ним встреча.

Позднее я узнала, что нашлись «добрые» люди, которые оклеветали его, словом, «отблагодарили» за все то хорошее, что он сделал для этого района, для их детей, для молодежи, для развития культуры в деревне. Тридцатые годы всем известны.

Отсутствовал он десять лет. Был реабилитирован. Работал в Москве, в отделе народного образования и в Академии Педагогических наук. А в 1947 году трагически погиб, попав под машину.

Варвара Семеновна, его жена, друг и помощник во всех его добрых делах, много перестрадала. Вырастила одна двоих детей. Она работала педагогом в одной московской школе. Была награждена Орденом Ленина и значком «Отличник народного образования». Спустя 50 лет я разыскала ее, и мы встретились.

Случилось так, что под давлением житейских забот и неурядиц, устройства в новую школу, поисков заработка, чтоб прокормить семью, мы с Верой Парусниковой потеряли друг друга. И только через 50 лет, когда я разыскала многих бывших учеников Талицкой школы, нашла и ее, для того чтобы потерять... навсегда.

В справочном бюро мне дали ее адрес. Списались, созвонились и встретились. Верочка побелела, немного пополнела. Пригляделись друг к другу, вспомнили юность, и опять возникла тесная, еще более крепкая дружба и любовь. Но встречались редко. Верочка жила в Хотькове, ухаживая за одной старушкой, подругой ее матери. Старушке было 90 лет. А Вера, оказывается, сама была серьезно больна, но скрывала это. Для себя времени не оставалось. Не на кого было оставить подопечную. И вот не успели все переговорить, все рассказать, как случилось непоправимое. В 1972 году я ее нашла осенью и осенью же в 1974 потеряла. До того была горька эта утрата, так мне было ее жалко – добрую, самоотверженную, благородную, не успевшую пожить для себя. Никогда не пройдет эта горечь!

1976 г.